

Исходный код ненависти

Джефффри Скотт

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Оглавление

Глава 1. Братство спальных районов

Глава 2. Линия разлома

Глава 3. Точка невозврата

Глава 4. Тень над городом

Глава 5. Глобальная сеть

Глава 6. Эхо прошлого

Глава 7. Проект «Рыба-меч»

Глава 8. День Икс

Глава 1. Братство спальных районов

Октябрьский ветер гнал по улицам Ростова-на-Дону мокрую листву и мелкий, колючий дождь. Желтая «Шкода» с шашечками такси медленно катилась вдоль глухого бетонного забора на окраине Западного жилого массива. За рулем сидел Тимофей. Он не смотрел на дорогу — его внимание было приковано к экрану смартфона, закрепленного на приборной панели, и к неприметному трехэтажному зданию из серого кирпича, скрытому за деревьями. На фасаде не было ни одной вывески. Окна второго и третьего этажей плотно закрывали жалюзи, сквозь щели которых пробивался холодный люминесцентный свет.

В наушнике Тимофея раздался ровный, чуть искаженный расстоянием голос:

— Я на позиции. Пинг стабильный, хотя нас тут немного качает. Волнение балла три.

Это был Дима. В данный момент он находился где-то в международных водах одного из районов Южно-Китайского моря, сидя в серверной грузового судна дедвейтом около восьмидесяти тысяч тонн. Его спутниковый канал обеспечивал группе дополнительный слой прикрытия: геолокация канала менялась вместе с маршрутом судна, а обратное отслеживание становилось намного сложнее, хотя не исчезало полностью.

— Принято, мореман, — отозвался другой голос, быстрый и резкий. Костя. Он находился всего в десяти километрах от Тимофея, в своей захлавленной квартире на Северном, окруженный гудящими системными блоками.

— Я поднял резервные туннели через Исландию и Панаму. Леха, что у тебя с пейлоадом?

— Все готово, — мягко прозвучал третий голос. Леша говорил тихо, чтобы не разбудить соседей по кондоминиуму в Маунтин-Вью, Калифорния. У него было раннее утро. — Жду только физического подтверждения. Тима, ты видишь цель?

Тимофей приглушил двигатель и опустил боковое стекло. В нос ударил запах сырого асфальта и гниющей листвы.

— Вижу. Курилка на заднем дворе. Трое вышли на перекур. Один из них — наш клиент. Синяя куртка, бейджик на ленте.

Это была операция против колл-центра, который последние полгода методично вычищал банковские счета пенсионеров под видом «службы безопасности государственного банка». Группа вышла на них случайно: две недели назад в такси к Тимофею села пожилая женщина, которая всю дорогу плакала, рассказывая кому-то по телефону, что перевела все свои сбережения на «безопасный счет». Тимофей не взял с нее денег за проезд. Вместо этого он записал номер телефона, с которого ей звонили, и передал его Косте.

Дальше началась рутина, отточенная годами совместной работы. Костя пробил номер через слитые базы данных, нашел цепочку IP-телефонии и вышел на провайдера, обслуживающего серое здание на окраине Ростова. Леша написал специализированный софт, который должен был не просто положить сеть мошенников, а выгрузить всю их внутреннюю базу: скрипты разговоров, списки жертв, записи звонков и, самое главное, реквизиты дропов — подставных лиц, через которых выводились деньги.

Но для запуска программы нужен был доступ к внутреннему сегменту сети здания, которая не светила наружу.

Тимофей вышел из машины. Он накинул капюшон, сунул руки в карманы куртки и неспешным шагом направился к металлической калитке, ведущей на задний двор. В правом кармане лежал небольшой считыватель размером с пачку сигарет, настроенный на проверку уязвимых пропусков старого образца.

Он прошел мимо курящих парней, сделав вид, что ищет нужный адрес в телефоне. Расстояние сократилось до полуметра. Устройство в кармане коротко завибрировало — устройство считало слабый идентификатор с бейджика парня в синей куртке.

— Есть контакт, — тихо сказал Тимофей, возвращаясь к машине. — Костя, лови дамп ключа.

Через сорок секунд Костя проверил, действительно ли старый пропуск дает доступ к служебному сегменту, и подтвердил уязвимость.

— Я внутри. Леха, твой выход.

Леша из Калифорнии запустил свой код. Это не было грубым взломом. Программа Леша работала изящно, как скальпель хирурга. Она не лезла вслепую, а фиксировала признаки доступа, собирала цифровые следы и подтверждала, где именно хранятся рабочие данные мошенников.

— Пошла загрузка, — констатировал Леша. — База огромная. Десятки тысяч записей. Я параллельно готовлю зашифрованную копию для журналистов и отдельный пакет материалов для подразделения по борьбе с киберпреступлениями.

— А теперь десерт, — усмехнулся Костя. — Готовлю безопасную блокировку их внешних каналов. Пусть объясняют клиентам, почему «служба безопасности» внезапно перестала отвечать.

Через пять минут свет в окнах второго этажа мигнул. Из здания слышались крики. Рабочие линии колл-центра посыпались, часть операторских машин ушла в отказ, а списки транзакций уже летели на почтовые ящики следователей и репортеров местных изданий.

Тимофей завел двигатель и плавно отъехал от обочины.

— Отличная работа, парни. Еще один мусорный бак вычищен.

Они не взяли себе ни копейки из тех миллионов, что проходили через счета мошенников. Это было их главным правилом. Принципом, который сформировался задолго до того, как они стали легендами даркнета. Принципом, рожденным на пыльных улицах Ростова-на-Дону в конце девяностых.

Их детство пришлось на время, когда старые правила уже не работали, а новые еще не были написаны. Спальные районы Ростова — бесконечные ряды панельных девятиэтажек, пустыри, заросшие амброзией, и гаражные кооперативы — были суровой школой жизни. Здесь уважали силу. Спортивные костюмы, короткие стрижки, разбитые костяшки пальцев.

Но четверо друзей, знакомых с первого класса обычной общеобразовательной школы, быстро поняли: чтобы выжить и не стать шестерками у местных авторитетов, нужно быть не физически сильным, а умным.

Их убежищем стал компьютерный клуб «Матрица» в подвале жилого дома. Там пахло озоном от пузатых мониторов, дешевыми сухариками и сыростью. Пока остальные подростки сутками резались в стрелялки, просаживая карманные деньги, эта четверка смотрела глубже. Игры им быстро надоели. Их интересовало то, как эти игры работают. Как устроены сети, соединяющие компьютеры. Как можно получить права администратора и играть бесплатно.

Они учились на ходу. Леша первым освоил программирование, читая потрепанные книги по C++, купленные на книжном развале. Костя собирал из выброшенных на свалку деталей рабочие системные блоки и экспериментировал с операционными системами. Дима, чей отец был радиолюбителем, разбирался в протоколах передачи данных и пайке микросхем. А Тимофей... Тимофей умел договариваться.

Именно Тимофей однажды спас их от серьезных проблем. Местная шпана решила обложить «данью» завсегдатаев компьютерного клуба. Когда очередь дошла до них, Тимофей не стал лезть в драку. Он просто упомянул, что знает, кто именно слил информацию о тайнике с краденными магнитолами участковому на прошлой неделе. Он блефовал лишь наполовину — он действительно слышал разговор двух парней за соседними компьютерами. Шпана отступила.

В тот день они осознали главную истину: информация — это самое мощное средство защиты. Тот, кто контролирует данные, контролирует ситуацию.

Они росли, и их навыки развивались вместе с технологиями. От взлома локальных сетей провайдеров ради бесплатного интернета они перешли к более сложным задачам. Они стали братством, объединенным не только общим прошлым, но и общим кодексом чести. В девяностые многие их ровесники пошли по кривой дорожке, став бандитами или наркоторговцами. Четверка выбрала другой путь. Они видели, как обманывают простых людей, как рушатся судьбы из-за финансовых пирамид и рэкета. И они решили, что их знания будут служить другой цели.

«Никогда не бить по тем, кто не может ответить». Это стало их негласным девизом.

Спустя годы их пути разошлись географически, но связь стала только крепче. Каждый из них превратился в уникального специалиста, чье имя (или, точнее, сетевой псевдоним) произносили с уважением на закрытых хакерских форумах.

Леша совершил невероятный рывок. После школы он не стал поступать в местный технический вуз, считая программу безнадежно устаревшей. Вместо этого он прошел жесточайший отбор в знаменитую французскую ИТ-школу 42. Кампус в Париже стал для него новым домом. Там не было преподавателей, лекций и оценок. Только метод полного погружения, проектная работа и взаимная проверка кода. Леша выжил в «Бассейне» — месячном испытании на выносливость, где студенты программировали по шестнадцать часов в сутки.

Его талант заметили быстро. Сейчас он работал в одном из кампусов Google в Маунтин-Вью, Калифорния, занимаясь проектированием сложных систем обработки данных. Но это была лишь его дневная работа. Ночами Леша писал софт для тех, кому нужна была защита. Он создал инструмент для анонимной связи, который использовали независимые журналисты в авторитарных странах и активисты, борющиеся с коррупцией. Его код в профессиональной среде считался эталонным — чистым, логичным, почти математически совершенным. В тусовке говорили: «Если Леша написал софт — его будут изучать еще десять лет». Однажды он нашел критическую уязвимость в системе крупного международного банка. На черном рынке за эту информацию предлагали сотни тысяч долларов. Леша отправил отчет в службу безопасности банка анонимно и бесплатно.

Дима выбрал совершенно иную жизнь. Его всегда тянуло к морю. Окончив мореходное училище, он стал специалистом по ИТ-инфраструктуре на крупных коммерческих судах. Раз в полгода он уходил в длительные рейсы, пересекая океаны на гигантских контейнеровозах. Для хакерской группы Дима был бесценным активом. Он имел легальный доступ к международным спутниковым системам связи.

Пока Дима находился в море, его цифровой след растворялся. Он умел маршрутизировать трафик так, что запросы группы терялись среди легального судового обмена данными и спутниковых шлюзов. Однажды, во время прохода через один пролив, навигационная система его судна подверглась атаке — кто-

то пытался исказить данные спутниковой навигации, из-за чего судно могло отклониться от безопасного маршрута. Дима за двадцать минут изолировал зараженный сегмент сети, переключил экипаж на резервные средства навигации, сверил курс по независимым источникам и помог капитану удержать судно на безопасном маршруте. О нем в сети ходила поговорка: «Пока Дима в море — его будто вообще не существует».

Костя остался в Ростове. Он был самым практичным, приземленным и «грязным» технарем из всей четверки. Работая DevOps-инженером в местной ИТ-компании, он знал изнанку корпоративных сетей как свои пять пальцев. Костя специализировался на инфраструктуре. Если Леша создавал изящные инструменты, то Костя строил для них полигоны.

Он мог за одну ночь развернуть сеть серверов в трех разных странах, настроить многоуровневое шифрование и подготовить плацдарм для атаки или защиты. Он мыслил категориями отказоустойчивости и резервирования. Про него шутили: «Если интернет переживет конец света — значит, Костя уже поднял резерв». Его квартира напоминала серверную: повсюду тянулись кабели, мигали индикаторы коммутаторов, а гул охлаждающих вентиляторов не смолкал ни на секунду. Костя был тем, кто обеспечивал техническую реализацию любых, даже самых безумных планов группы.

И, наконец, Тимофей. Человек, который на первый взгляд меньше всего подходил под описание элитного хакера. У него не было диплома престижного университета, он не писал гениальный код и не настраивал кластеры серверов. Он работал таксистом в Ростове.

Но в их команде Тимофей выполнял самую сложную и непредсказуемую работу — он был интерфейсом между цифровым миром и физической реальностью.

Люди в такси расслабляются. Они воспринимают водителя как часть интерьера, как функцию. Они говорят по телефону о любовницах, о взятках, о серых схемах обналичивания денег. Они называют имена, адреса и суммы. Тимофей слушал. Он обладал феноменальной памятью на лица, номера машин и детали разговоров.

Из-за историй, которые он слышал от пассажиров, и из-за того, что происходило с его собственными знакомыми, Тимофей особенно ненавидел травлю, клевету и манипуляции. Он вычислял сетки фейковых «экспертов», которые за деньги уничтожали репутацию конкурентов по бизнесу. Он находил организаторов заказных кампаний в прессе. Про него говорили: «Тима не самый технарь. Но если он сел за руль — через неделю знает весь город».

Тимофей был глазами и ушами группы. Если Леша, Костя и Дима могли взломать любую базу данных, то Тимофей мог найти человека, у которого есть пароль от этой базы, узнать, в каком кафе он пьет кофе по утрам, и сесть за соседний столик.

Их репутация в даркнете была парадоксальной. С одной стороны, их уважали за высочайший технический уровень. С другой — многие радикальные группировки считали их «слишком принципиальными» и даже странными.

В мире, где информация продавалась за биткоины, а кибернаемники работали на тех, кто больше платит, эта четверка отказывалась от самых прибыльных заказов. Они принципиально не работали на наркокартели. Они игнорировали предложения о сотрудничестве от торговцев людьми и оружием. В их кругу считалось абсолютным позором участвовать в кибератаках на гражданскую инфраструктуру — больницы, электростанции, системы водоснабжения.

Они были цифровыми Робин Гудами, хотя сами ненавидели этот пафосный термин. Они просто делали то, что считали правильным.

В марте 2021 года их принципы прошли серьезную проверку. На одном из закрытых теневых форумов, известном как ShadowMarket, появился новый раздел. Там торговали не просто украденными кредитными картами, а личными данными: медицинскими картами с диагнозами, интимными фотографиями, переписками. Администраторы форума поставили процесс на поток — они связывались с жертвами и требовали выкуп за непубликацию данных.

Одной из жертв стала молодая учительница из Ростова. Кто-то взломал ее облачное хранилище и скачал личные фотографии многолетней давности. Шантажисты требовали сумму, равную ее трехлетней зарплате, угрожая

разослать снимки всем ученикам и коллегам. Девушка была на грани самоубийства. Информация об этом дошла до Тимофея через знакомых.

Группа взялась за дело не раздумывая.

Это была классическая комбинированная операция. Костя начал с анализа сетевого трафика форума. ShadowMarket прятался за многослойной защитой в сети Tor, используя цепочку зеркал и анонимизирующих прокси. Но администраторы совершили ошибку — они использовали один и тот же криптокошелек для приема платежей от жертв и для оплаты хостинга своих серверов.

Леша написал скрипт, который проанализировал блокчейн-транзакции и выявил закономерности. Они вышли на один из технических узлов, размещенный в дата-центре в Нидерландах. Но просто уничтожить сервер было мало — у шантажистов наверняка были локальные резервные копии. Нужно было добраться до главного администратора.

Дима, находясь в рейсе у берегов Южной Америки, помог сопоставить открытые технические следы и время обслуживания узла. Он выяснил, что администратор форума регулярно подключается к серверу для технического обслуживания с IP-адреса, принадлежащего провайдеру в Краснодаре.

Здесь в игру вступил Тимофей. Он взял отгул, сел в свою «Шкоду» и поехал в соседний город. Костя сузил зону поиска до одного многоквартирного дома, анализируя время активности администратора и задержки до сетевых узлов и повторяющиеся окна активности.

Тимофей провел в машине двое суток. Он наблюдал за подъездом, сопоставляя выходящих людей с графиком активности на форуме. Наконец, цель была установлена — неприметный парень лет тридцати, который каждый день ровно в 14:00 выходил за кофе в соседнюю пекарню.

Тимофей зашел в пекарню следом за ним. Пока парень ждал свой капучино, уткнувшись в телефон, Тимофей сел за столик в метре от него. В рюкзаке Тимофея работал портативный анализатор радиосреды. Когда парень подключился к открытой сети кафе, чтобы проверить почту, устройство Тимофея зафиксировало совпадение цифровых следов с теми, что Костя видел на форуме.

Этого было достаточно. Леша и Костя поняли, что перед ними действительно администратор, и начали готовить пакет доказательств, не раскрывая источники.

То, что они сделали дальше, стало легендой на теневых форумах. Они не стали описывать свою работу даже в закрытом чате: слишком многое могло навредить жертвам. В результате форум потерял инфраструктуру, доступ к архивам был заблокирован, а финансовые следы администраторов оказались задокументированы.

Они могли забрать себе сотни тысяч долларов в биткоинах. Вместо этого они потратили трое суток на то, чтобы идентифицировать транзакции жертв шантажа и помочь установить цепочки платежей, и передать данные тем, кто мог вернуть деньги законным путем. Остальные следы они передали через доверенный канал журналистам и юристам, чтобы деньги шантажистов не исчезли в тени.

Форум ShadowMarket перестал существовать. Администратор, потерявший все деньги и данные, исчез из сети. Учительница из Ростова так и не узнала, почему шантажисты внезапно перестали ей писать, а позже ей сообщили, что часть переведенных денег удалось вернуть через официальную процедуру.

В даркнете после этого случая долго обсуждали произошедшее. Кто-то называл их сумасшедшими, отказавшимися от легких денег. Кто-то пытался их вычислить. Но большинство усвоило урок: есть черта, которую лучше не переходить, потому что где-то в сети работают люди, для которых справедливость важнее прибыли.

Дождь в Ростове не прекращался. Тимофей припарковал такси у своего подъезда, заглушил двигатель, но выходить не спешил. В салоне было тепло и тихо.

Он достал телефон и открыл защищенный мессенджер. В групповом чате висело сообщение от Леши: «Логи колл-центра ушли в прессу. Завтра у них будут веселые утренние новости».

Костя ответил стикером с изображением горящего мусорного бака.

Дима прислал короткое: «Отбой. Ухожу со связи на 12 часов, входим в зону шторма».

Тимофей улыбнулся, глядя на экран. Четыре человека, разбросанные по всему миру. Программист из Кремниевой долины, моряк посреди океана, системный инженер в соседнем районе и таксист в спальном массиве Ростова. У них не было офиса, не было начальников и официального статуса. Но у них было нечто большее — абсолютное доверие друг к другу и общее понимание того, что такое хорошо и что такое плохо.

Они выросли на улицах, где закон часто был лишь пустым звуком, а справедливость приходилось отстаивать кулаками. Теперь их кулаками стали строки кода, маршрутизаторы и социальная инженерия. Они научились защищать тех, кто не мог защитить себя сам.

Тимофей откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза, слушая, как капли дождя барабанили по крыше машины. Очередная локальная победа. Очередная спасенная судьба. Система работала, но Тимофей уже понимал: безупречных методов не бывает — бывают только люди, готовые отвечать за последствия.

Но в воздухе уже висело едва уловимое напряжение. Мир вокруг них менялся, становился жестче, нетерпимее. В новостях все чаще звучали агрессивные лозунги, люди на улицах смотрели друг на друга с подозрением. Тимофей чувствовал это каждый день, слушая разговоры своих пассажиров. Градус ненависти в обществе медленно, но верно полз вверх.

Он еще не знал, что очень скоро их принципы, их дружба и их навыки подвергнутся самому страшному испытанию. Что зло, с которым они привыкли бороться локально, имеет глобальные масштабы и конкретные имена. И что следующий удар будет нанесен не по абстрактным жертвам мошенников, а по самым близким ему людям.

Тимофей выключил телефон, накинул капюшон и вышел под холодный ростовский дождь. Ночь только начиналась.

Глава 2. Линия разлома

Февраль 2022 года расколол цифровой андеграунд так же стремительно, как и физический мир. Теневые форумы, которые годами служили нейтральной территорией для обмена эксплойтами, продажи баз данных и обсуждения архитектуры сетей, в одночасье превратились в виртуальные окопы. Привычная коммерческая логика даркнета рухнула, уступив место агрессивной идеологической мобилизации.

Тимофей сидел в салоне своей припаркованной «Шкоды» на окраине Ростова, глядя на тускло светящийся экран защищенного ноутбука. В наушниках висела тишина, прерываемая лишь легким статическим треском — Костя настраивал резервное защищенное соединение для их экстренной голосовой конференции.

— Все в сборе? — голос Леши из Калифорнии звучал глуше обычного, лишенный привычной легкой иронии.

— На связи, — коротко отозвался Дима. Судя по задержке сигнала, его контейнеровоз находился где-то в Южном полушарии, пробиваясь через спутниковые ретрансляторы.

— Я тоже здесь, — сказал Костя. На заднем фоне у него гудели кулеры серверной стойки.

— Леха, рассказывай, что за срочность. Меня уже третий час долбят в личку админы с «Красного Сектора». Требуют открыть наши резервные туннели.

Тимофей нахмурился. «Красный Сектор» был одной из самых крупных и радикальных хакерских группировок в русскоязычном сегменте. До этого дня их отношения сводились к нейтральному паритету: группа Тимофея не лезла в их дела, а радикалы уважали их технический уровень и не пытались вербовать.

— Они вышли на меня напрямую, — медленно произнес Леша. — Предлагают статус привилегированных партнеров. Им нужен мой софт для маршрутизации и Костина распределенная инфраструктура.

— Для чего? — спросил Тимофей, хотя уже догадывался об ответе. — Они готовят массированную атаку на гражданскую инфраструктуру одной страны.

Цели — диспетчерские службы скорой помощи, системы водоочистки в крупных городах, логистические узлы доставки продовольствия. Они хотят положить сети больниц. Требуют, чтобы мы предоставили доступ к нашим закрытым данным об уязвимостях в SCADA-системах.

В эфире повисла тяжелая пауза. Каждый из четверых понимал, что означает этот запрос. Это был не просто взлом ради денег или кража корпоративных секретов. Это было прямое участие в уничтожении систем жизнеобеспечения мирных людей.

— Я проверил логи по морским портам, — тихо добавил Дима. — Они уже пытаются создавать помехи для навигационных систем гражданских сухогрузов. Если они выведут из строя портовые диспетчерские сервисы, риск аварий резко вырастет. Это сотни жизней.

— Мой ответ был отрицательным, — жестко сказал Леша. — Я не пишу код для того, чтобы останавливать работу больниц. Но они не приняли отказ. Сказали, что сейчас нет нейтральной полосы. Либо мы с ними, либо мы — предатели и враги.

Костя грязно выругался.

— Пусть идут к черту. Мы никогда не били по тем, кто не может ответить. Это наше правило. Больницы? Водоканалы? Это уже не хакинг, парни. Это цифровой терроризм. Я прямо сейчас обрубаю все мосты. Отзываю старые ключи, закрываю внешние входы и перевожу шлюзы на резервные адреса. Мы уходим в глухую оборону.

Тимофей смотрел на капли дождя, стекающие по лобовому стеклу.

— Делай, Костя. Руби всё. Нас назовут слишком принципиальными, нас выкинут с элитных бордов, но мы не станем соучастниками этого безумия.

В течение следующих суток радикальная часть хакерской сцены объявила им бойкот. На закрытых форумах появились треды, где их команду клеймили как «отработанный материал» и «предателей». Часть их старых контактов, с которыми они годами обменивались технической информацией, просто перестала выходить на связь, испугавшись ассоциаций с «неблагонадежными». Для четверых друзей это означало потерю огромного пласта информации и

инструментов, но ни один из них не пожалел о принятом решении. Они сохранили свои принципы.

Однако, если в цифровом мире Тимофей мог просто нажать кнопку и разорвать связи с источником ненависти, то в физической реальности Ростова-на-Дону сделать это было невозможно.

Город менялся на глазах. С началом войны улицы заполнились агрессивной символикой. Из открытых окон автомобилей неслись милитаристские марши и истеричные голоса радиоведущих, требующих жестких мер против любых несогласных. Общество, подогреваемое круглосуточными телевизионными эфирами, стремительно поляризовалось. И эта волна ненависти, искусственно нагнетаемая сверху, начала искать выход не только на внешних врагах, но и на внутренних.

Тимофей завел двигатель и медленно поехал в сторону спального района, где жили его родители. Его отец, Николай, и мать, Елена, были самыми обычными людьми. Всю жизнь они проработали на местном заводе, вырастили сына, исправно платили налоги и никогда не нарушали закон. Но у них была одна особенность, которая в новой реальности превратила их в мишени. Они были Свидетелями Иеговы.

Тимофей не разделял их религиозных взглядов, но глубоко уважал их выбор. Он знал их общину — это были тихие, мирные люди, которые принципиально отказывались брать в руки оружие, не участвовали в политике и старались жить по библейским заповедям.

Проблемы начались не вчера. Еще в апреле 2017 года Верховный суд ликвидировал Административный центр Свидетелей Иеговы в России и связанные с ним местные религиозные организации, признав их «экстремистскими». Тимофей прекрасно помнил сводки первых лет после этого абсурдного решения: сотни обысков, десятки уголовных дел, задержания и реальные сроки. Но тогда, в первые годы после запрета, репрессии носили более выборочный характер. Государственная машина работала медленно, выбирая отдельных жертв для устрашения.

Теперь же, весной 2022 года, ситуация приобрела характер массового психоза. Телевизионная пропаганда, мобилизованная на оправдание внешнего

конфликта, попутно усилила градус ненависти ко всем «не таким». Общественные и религиозные организации, не вписывающиеся в официальную идеологию, ежедневно подвергались шельмованию с экранов. Их называли «пятой колонной», «иностранными агентами», «сектантами», работающими на западные спецслужбы.

Тимофей припарковался у знакомой панельной пятиэтажки. Возле подъезда на лавочке сидели две пенсионерки. Одну из них, Антонину Павловну, Тимофей знал с детства. Она часто заходила к его матери за солью, они вместе обсуждали рассаду и цены на рынке.

Тимофей подошел к подъезду, вежливо кивнув:

— Здравствуйте, Антонина Павловна. Как ваше здоровье?

Женщина резко поднялась с лавочки. Ее лицо, обычно добродушное, исказила гримаса брезгливости и страха. Она схватила свою соседку за рукав, буквально оттаскивая ее в сторону.

— Не здоровайся со мной, — процедила она, глядя на Тимофея с нескрываемой враждебностью. — Я видела передачу по телевизору. Про вас, про сектантов. Вы там собираетесь, мозги людям промываете. Против государства идете. На американцев работаете. Тьфу!

Она демонстративно отвернулась. Тимофей замер, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Он мог бы взломать любой сервер, мог бы найти компромат на любого чиновника, но он был абсолютно бессилён перед этой стеной слепой, телевизионной ненависти, которая сожрала разум соседки. Это была планомерная дегуманизация. Людей лишали человеческого облика, превращая их в абстрактное зло, которое можно и нужно ненавидеть.

Он молча открыл дверь подъезда и поднялся на третий этаж.

В квартире было тихо. Мать сутилась на кухне, но ее движения были нервными, дергаными. Отец сидел за кухонным столом, глядя в одну точку. Перед ним лежал чистый лист бумаги и шариковая ручка.

— Привет, — Тимофей сел напротив отца. — Что происходит?

Николай тяжело вздохнул, потирая уставшие глаза. Он выглядел постаревшим лет на десять.

— Меня увольняют, Тима. Точнее, просят написать по собственному желанию.

— За что? Ты проработал в этом цеху двадцать пять лет. У тебя высший разряд.

— За то, кто я есть, — горько усмехнулся отец. — Сегодня утром мастер вызвал меня в каптерку. Сказал, что коллектив отказывается со мной работать. Люди, с которыми я делил обед десятилетиями, пошли к начальству и написали коллективную жалобу. Написали, что им страшно находиться рядом с «экстремистом». Что я якобы могу устроить диверсию на производстве.

Мать тихо заплакала у плиты, вытирая руки кухонным полотенцем.

— С нами перестали разговаривать в магазине, Тима. Вчера в поликлинике врач отказалась выписывать мне рецепт на лекарства от давления. Сказала: «Пусть вас ваш Иегова лечит, предатели». Откуда в людях столько злобы? Мы же никому ничего плохого не сделали.

Тимофей сжал кулаки под столом. Социальная изоляция сжималась вокруг его семьи, как удавка. Это не было случайностью. Это был результат методичной работы тех, кто формировал информационную повестку.

— Собирайте вещи, — твердо сказал Тимофей. — Самое необходимое. Документы, деньги, лекарства.

— Куда, сынок? — испуганно спросила мать. — Мы никуда не поедem. Это наш дом. Все образуется. Люди просто напуганы новостями, это пройдет.

— Это не пройдет, мам. Это только начало.

Тимофей вышел в свою старую детскую комнату, плотно закрыв за собой дверь. Он достал из рюкзака рабочий ноутбук, подключил резервный модем и вышел в защищенную сеть. Ему нужны были факты. Ему нужно было понять масштаб того, что надвигается на его семью.

Он открыл базы данных правозащитных центров, агрегаторы судебных решений и профессиональные адвокатские сводки. То, что он увидел, заставило его похолодеть.

Судебная система, игнорируя мирный характер верующих, начала выносить жесткие приговоры. Людей, чья вина заключалась лишь в совместном

чтении Библии и пении религиозных песен, приравнивали к террористам. Судьи выносили сроки: шесть, семь, а в отдельных делах и восемь лет колонии общего режима людям разного возраста, включая пожилых верующих.

Но самое страшное происходило еще до судов — на этапе предварительного следствия. Силловые структуры, получив карт-бланш на преследование «сектантов», действовали с показательной, садистской жестокостью. Тимофей открыл один из отчетов, задокументированный адвокатами, и вчитался в текст. Строки били наотмашь своей обыденной бесчеловечностью.

«В дом Калиных силовики ворвались ранним утром в октябре 2021 года, выломав окно в кухне, хотя верующие даже не запирали входную дверь. Осколки оконного стекла рассыпались по полу — на них повалили 52-летнего Ярослава, из его пораненных рук и ног потекла кровь. На мужчину надели наручники и запретили одеваться. “Когда мы попросили вызвать адвоката — над нами просто посмеялись”, — говорит дочь Ярослава Светлана. Осколки стекла из своего тела, сын репрессированных, сам ставший жертвой преследования, извлекал уже в СИЗО. На жалобы, которые подавали его дочь и зять, СК и полиция отвечали отказами».

Тимофей перечитал этот абзац трижды. Осколки стекла в теле. Смех оперативников в ответ на просьбу об адвокате. Отказы Следственного комитета. Это была не просто правовая аномалия. Это была система, нацеленная на физическое и психологическое уничтожение. И эта система прямо сейчас стояла на пороге квартиры его родителей.

Он не мог сидеть сложа руки. Цифровой сбор данных — это хорошо, но ему нужно было оценить физическую угрозу здесь и сейчас. Кто именно накручивает соседей? Кто координирует травлю на локальном уровне?

Тимофей оставил ноутбук, надел неприметную серую куртку и вышел на улицу. Он сел в такси, но не стал заводить двигатель. Вместо этого он достал планшет и открыл локальные группы района во «ВКонтакте» и в Telegram. Он запустил аналитический модуль, который Леша когда-то сделал для выявления повторяющихся публикаций и координированных вбросов.

Модуль быстро отфильтровал тысячи сообщений и подсветил подозрительную связку аккаунтов. Вся ненависть в домовых чатах и районных

пабликах генерировалась тремя аккаунтами, которые методично вбрасывали посты о «секте в нашем доме», публиковали фотографии отца Тимофея и указывали точный адрес их квартиры.

Тимофей сопоставил время публикаций с открытыми техническими признаками и местами выхода аккаунтов в сеть. Один из следов вел к публичной Wi-Fi-сети в кафе через два квартала.

Он завел машину и медленно поехал туда. Припарковавшись в слепой зоне от окон кафе, Тимофей достал направленный микрофон и компактный перехватчик трафика. В кафе сидел молодой парень лет двадцати пяти, в дешевом спортивном костюме. Перед ним лежал открытый ноутбук. Парень пил кофе и быстро печатал.

Тимофей перехватил его сессию. Парень сидел в закрытом чате под названием «Чистый город». «Адрес на Западном отработан», — писал парень. «Соседи прогреты. На заводе старика сегодня слили. Жду дальнейших инструкций». Ответ пришел от пользователя без аватарки: «Отлично. Сегодня вечером переходим к физическому давлению. Нужно, чтобы они поняли: им здесь не жить. Отправь ребят из молодежи, пусть оставят послание».

Тимофей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Это была не просто стихийная ненависть соседей. Это была скоординированная травля, управляемая кем-то сверху. Кто-то использовал маргинальную молодежь и проплаченных активистов, чтобы создавать видимость «народного гнева», подготавливая почву для официального визита силовиков.

Он не стал дожидаться, пока парень допьет кофе. Тимофей ударил по газам и помчался обратно к дому родителей.

На улице уже стемнело. Двор освещался лишь тусклым светом единственного фонаря. Тимофей заглушил двигатель и остался сидеть в темном салоне, не сводя глаз с окон родительской квартиры на третьем этаже. В кухне горел свет. Мать, наверное, снова пыталась успокоить отца, заваривая чай.

Прошло около часа. Ветер усилился, раскачивая голые ветви деревьев.

Внезапно из арки соседнего дома вынырнули две фигуры в темных толстовках с натянутыми на головы капюшонами. Они двигались быстро и

целенаправленно. Один из них остановился под окнами, достал из кармана телефон, сверился с экраном и кивнул второму.

Второй парень вытащил из-под куртки тяжелую стеклянную бутылку. Из горлышка торчала тряпка. Он достал зажигалку.

Время для Тимофея замедлилось. Он видел, как чиркнуло колесико зажигалки, как вспыхнуло желтое пламя, лизнув пропитанную бензином ткань. Это был коктейль Молотова. Они собирались забросить его в окно.

Тимофей не помнил, как распахнул дверь машины. Инстинкты, выработанные годами выживания на ростовских улицах, сработали быстрее мысли. Он рванулся через мокрый газон, не издав ни звука.

Парень с бутылкой замахнулся, целясь в освещенное окно третьего этажа.

Тимофей врезался в него всем телом за долю секунды до броска. Удар был такой силы, что парень отлетел на асфальт. Бутылка выскользнула из его рук, ударилась о бетонный бордюр и разлетелась вдребезги. Вспыхнуло яркое пламя, осветив испуганные лица нападавших. Едкий запах бензина ударил в нос.

Второй подросток, опешив на секунду, бросился бежать. Тот, которого сбил Тимофей, заскулил от боли, вскочил на ноги и, прихрамывая, кинулся вслед за подельником, скрывшись в темноте арки.

Тимофей остался стоять у подъезда, тяжело дыша. Огонь от разлитого бензина быстро угасал на сыром асфальте, оставляя после себя лишь черное пятно и запах гари.

Он поднял голову и посмотрел на окно кухни. Свет там погас. Родители слышали звон стекла и испугались.

Тимофей достал телефон. Пальцы слегка дрожали от адреналина. Он открыл защищенный мессенджер и нажал кнопку экстренного вызова. Через три секунды в наушнике раздались голоса Леши, Кости и Димы.

— Тима? Что случилось? Ты дышишь так, будто бежал через весь район, — быстро спросил Костя.

— Только что пытались сжечь квартиру моих родителей. Двое отморожков с коктейлем Молотова. Я успел их остановить.

— Твою мать... — выдохнул Дима. — Полицию вызвал?

— Какую полицию, Дим? — горько усмехнулся Тимофей. — Полиция придет и арестует моего отца за то, что он экстремист и сам спровоцировал нападение. Я сегодня перехватил трафик местного координатора. Это спланированная акция. Они натравливают на них соседей, выживают с работы, а теперь перешли к физическому террору.

— Тима, тебе нужно увозить их, — голос Леши звучал предельно серьезно. — Прямо сейчас. Если сегодня были малолетки с бутылкой, завтра утром там могут быть силовики с обыском. Ты читал сводки. Ты знаешь, как они работают.

— Знаю, — Тимофей посмотрел на черное пятно копоти у своих ног. — Я видел фотографии того, что они делают с людьми при задержании.

Он сбросил звонок, убрал телефон в карман и медленно пошел к двери подъезда. В носу все еще стоял запах сгоревшего бензина.

Репрессивная машина, подогреваемая невидимыми кукловодами, начала пожирать собственных граждан. И Тимофей понимал, что никакие навыки социальной инженерии, никакие ботнеты и зашифрованные туннели не смогут остановить кувалду, которая уже занесена над дверью его семьи.

Он открыл подъездную дверь и шагнул в темноту лестничной клетки. Ему предстоял самый тяжелый разговор в его жизни. Разговор, после которого их жизнь уже никогда не будет прежней.

Глава 3. Точка невозврата

Горный серпантин дороги тонул в густом, непроницаемом тумане. Фары старой «Шкоды» с трудом пробивали белесую пелену, выхватывая из темноты лишь мокрый асфальт и редкие бетонные ограждения, за которыми угадывалась черная пустота ущелья. Тимофей вел машину уже четырнадцать часов подряд. Его глаза покраснели от напряжения, пальцы намертво вцепились в руль, но он не позволял себе расслабиться ни на секунду. На заднем сиденье, укрывшись

одним пледом на двоих, спали его родители. Их сон был тяжелым, прерывистым. Мать периодически вздрагивала, тихо вскрикивая, а отец во сне крепко прижимал к груди небольшую дорожную сумку — единственное, что они успели собрать перед тем, как навсегда покинуть свой дом.

Переход границы занял долгие, изматывающие шесть часов. Это было время абсолютной паранойи. Каждый раз, когда пограничник вглядывался в монитор, проверяя паспорта, Тимофей мысленно готовился к худшему. Он знал, что бюрократическая машина неповоротлива, что данные о ночном инциденте и статусе его отца вряд ли успели попасть в базы ограничений на выезд и розыска за столь короткий срок. Но логика отступала перед липким страхом. Только когда в паспортах появились отметки о пересечении границы, а шлагбаум медленно пополз вверх, открывая путь к пограничному коридору между двумя пунктами пропуска, Тимофей позволил себе сделать первый глубокий вдох.

Они спускались в долину, оставляя позади холод, дождь и страну, которая в одночасье решила пережевать и выплюнуть людей, чья единственная вина заключалась в их вере.

В соседнюю страну они въехали ранним утром. Город просыпался, залитый мягким весенним солнцем. Улицы дышали спокойствием, пахли свежей выпечкой и крепким кофе. Контраст с мрачной, агрессивной атмосферой Ростова был настолько разительным, что казался физически осязаемым.

Их ждали. Давид, высокий, седеющий мужчина с громогласным смехом и невероятно добрыми глазами, стоял у ворот своего частного дома. Их знакомство с Тимофеем произошло три года назад при весьма прозаичных обстоятельствах. Давид прилетал в Ростов по делам бизнеса, сел в такси к Тимофею и по рассеянности оставил на заднем сиденье барсетку с крупной суммой наличных и всеми документами. Тимофей обнаружил пропажу через час, развернулся, нашел гостиницу, куда отвозил пассажира, и вернул сумку. Давид тогда пытался всучить ему щедрое вознаграждение, но Тимофей отказался. «Мы, таксисты, чужого не берем, нам своего хватает», — отшутился он тогда. Давид крепко пожал ему руку и сказал: «Если когда-нибудь тебе или твоей семье понадобится помощь, мой дом — твой дом».

И он не бросил слов на ветер. Когда Тимофей позвонил ему с дороги и коротко обрисовал ситуацию, Давид просто спросил: «Через сколько часов будете? Я скажу жене накрывать на стол».

Когда машина остановилась у ворот, Давид сам открыл заднюю дверь, бережно помог выйти отцу Тимофея, обнял его мать так, словно они были старыми друзьями, и повел их в дом. За столом, уставленным лавашом, сырами и зеленью, родители впервые за последние двое суток немного расслабились. Но Тимофей видел, как дрожат руки отца, когда он берет чашку с чаем. Он видел потухший взгляд матери. Физически они были в безопасности, но их мир был разрушен. Изъятая при обыске Библия, увольнение с завода, предательство соседей, летящая в окно бутылка с зажигательной смесью — этот груз они привезли с собой.

Следующие пять дней слились для Тимофея в один непрерывный марафон. Он понимал, что гостеприимством Давида нельзя злоупотреблять вечно. Ему нужно было создать для родителей новую, безопасную гавань. Он сутками мониторил сайты недвижимости, ездил на просмотры, общался с риелторами. Город был переполнен, цены на аренду взлетели, но у Тимофея были сбережения, хранившиеся в криптовалюте.

Наконец, на шестой день поисков, он нашел идеальный вариант. Это была просторная, светлая квартира в тихом, зеленом районе. Окна выходили во внутренний двор, где росли старые платаны, а по утрам пели птицы. Здесь не было шумных трасс, и подъезд не выходил прямо на оживленную улицу. Владелицей оказалась интеллигентная пожилая женщина, преподаватель консерватории, которая сразу прониклась симпатией к тихим пенсионерам.

Тимофей оплатил аренду на год вперед. Он сам съездил в торговый центр, купил новые пледы, посуду, мелкую бытовую технику — все то, что создает ощущение уюта и нормальности. Когда он привез родителей в их новый дом, мать долго стояла у окна, глядя на залитый солнцем двор, а потом тихо заплакала. Но это были уже другие слезы. Слезы выходящего напряжения.

В тот же вечер, сидя на балконе новой квартиры и глядя на огни телебашни, Тимофей принял окончательное решение. Он не вернется в Ростов. Ему там больше нечего делать. Его «Шкода» останется припаркованной у дома Давида,

а сам он останется здесь, рядом с семьей. На следующий день он снял для себя небольшую, аскетичную студию в пятнадцати минутах ходьбы от родителей. Там был только диван, стол и высокоскоростной интернет. Большого ему было не нужно.

Обустроив быт, Тимофей наконец смог открыть свой защищенный ноутбук. Все эти дни он держал связь с командой только короткими текстовыми сообщениями с телефона. Теперь пришло время для серьезного разговора.

Он открыл защищенное соединение, проверил, что канал стабилен, и вошел в закрытый голосовой чат.

— Я на месте. Родители в безопасности, — произнес Тимофей в микрофон.

В наушниках мгновенно раздались голоса.

— Слава богу, — выдохнул Леша. Фоном у него было слышно тихое гудение кондиционера калифорнийского офиса. — Мы следили за сообщениями о пробках и задержках на пункте пропуска, когда вы проходили границу.

— Как они? — спросил Дима. Судя по качеству связи, его судно вышло из зоны шторма и сейчас шло по спокойной воде.

— Держатся. Но они сломлены, парни. То, что с ними сделали... это не просто запугивание. Это попытка уничтожить их как личностей.

В эфир ворвался Костя. Его голос звенел от сдерживаемой ярости.

— Тима, я не сидел сложа руки эти дни. Я поднял все логи, которые ты успел перехватить у того координатора в кафе. Я пробил их всех. До последнего ублюдка.

На экране Тимофея всплыло окно защищенного файлообменника. Костя переслал ему архив.

— Открывай, — скомандовал Костя. — Папка «Исполнители».

Тимофей кликнул по файлу. На экране появилось досье. Фотография мужчины в полицейской форме.

— Капитан Смирнов Олег Николаевич, — начал чеканить Костя. — Старший оперуполномоченный. Именно он руководил обыском в квартире твоих родителей. Я сопоставил его декларации, старые утечки и публичные следы. У

него ипотека на три миллиона, которую он гасит из источников, которые никак не сходятся с официальной зарплатой. У него любовница, которой он оплачивает съемную квартиру. Я могу прямо сейчас упаковать финансовые несостыковки в анонимное досье для журналистов и правозащитников, а фотографии с любовницей отправить его жене. Завтра он потеряет работу, семью и свободу.

Тимофей молча смотрел на фотографию оперативника. Лицо человека, который превратил обыск у пенсионеров в показательное унижение.

— Дальше, — сказал Костя. — Папка «Молодежка».

Тимофей открыл вторую директорию. С экрана на него смотрел щуплый парень лет девятнадцати с прыщавым лицом и агрессивным взглядом.

— Денис Макаров, — продолжил Костя. — Тот самый, с коктейлем Молотова. Студент местного колледжа. Я нашел следы его закрытых чатов, старые посты, долги, мелкие истории с наркотой и связи с местными «активистами». Можно собрать такой пакет, что от него отвернутся и кураторы, и дружки, и администрация колледжа.

В чате повисла тяжелая тишина. Предложение Кости было технически безупречным. Это была классическая, разрушительная цифровая месть. Они могли уничтожить репутации тех, кто посягнул на семью Тимофея, не вставая из-за стола.

— Дай команду, Тима, — тихо сказал Леша. — Мы ждем только твоего слова. Они перешли черту. Мы ответим.

Тимофей откинулся на спинку стула. Он смотрел на лица Смирнова и Макарова. Внутри него боролись два чувства: жгучая, первобытная жажда возмездия и холодный, аналитический разум, который всегда делал его лучшим специалистом по социальной инженерии в их команде.

Он открыл вложенные файлы с материалами девятнадцатилетнего Дениса. Тимофей начал листать историю его сообщений на полгода назад. И чем глубже он погружался в цифровой след этого парня, тем яснее становилась картина.

— Отбой, — глухо, но твердо произнес Тимофей.

— Что? — не понял Костя. — Тима, ты издеваешься? Они пытались сжечь твоих родителей!

— Я сказал — отбой, Костя. Мы не будем этого делать.

— Объясни, — спокойно попросил Дима. Он всегда был самым уравновешенным из четверки.

Тимофей вывел на общий экран несколько скриншотов из социальных сетей Дениса Макарова, датированных прошлым годом.

— Посмотрите на это. Восемь месяцев назад этот парень постил мемы про видеоигры, обсуждал с друзьями покупку поддержанной машины и жаловался на преподавателей в колледже. Обычный подросток. Никакой агрессии, никакой политики. А теперь посмотрите на его ленту за последние три месяца.

Тимофей начал быстро перелистывать слайды. Лента Дениса менялась на глазах. Сначала появились репосты из сомнительных пабликов о «скрытых угрозах обществу». Затем — статьи о том, как «иностранные агенты разрушают традиционные ценности». Дальше пошли прямые вбросы про религиозные организации. Заголовки кричали: «Сектанты готовят диверсии», «Они зомбируют наших детей», «Пятая колонна в вашем дворе».

— Вы видите паттерн? — спросил Тимофей. — Это не случайный серфинг в интернете. Его лента была искусственно сформирована. Алгоритмы подсовывали ему строго определенный контент. Кто-то методично, день за днем, вливал ему в голову этот яд.

Тимофей открыл один из текстов, который Денис репостнул за неделю до нападения.

— Я проанализировал семантику этих статей. Это не просто журналистика. Это профессиональное психологическое воздействие. Здесь используются методы подсознательного программирования. Они берут уязвимого, не очень умного подростка с кучей комплексов и дают ему простую картину мира: вот враг, из-за которого ты плохо живешь. Уничтожь врага — станешь героем.

Тимофей сделал паузу, собираясь с мыслями. То, что он сейчас формулировал, меняло всю парадигму их работы.

— Этот Денис... он ублюдок, да. Но он не инициатор. Он — оружие. Заряженный пистолет, который кто-то вложил в чужую руку. Если мы сейчас сломаем ему жизнь, что изменится? Ничего. Те, кто пишет эти статьи, те, кто формирует эти сетки ботов, просто найдут другого Дениса. Их тысячи.

— Ты хочешь сказать, что он жертва? — с сомнением спросил Костя.

— Я хочу сказать, что он продукт системы, — жестко ответил Тимофей. — Сами стрелки, те, кто берет в руки коктейль Молотова или оружие, такие же жертвы подсознательной психологической обработки. Это пазловое кодирование. Им внедряют в подсознание образ врага и образ убийцы. Они являются такими же жертвами информационных терактов в СМИ, как и те, на кого они нападают. Потому что все они стоят под прицелом тех, кто реально управляет этим процессом.

Леша на другом конце земного шара задумчиво хмыкнул.

— То есть ты предлагаешь не бить по пешкам.

— Именно. Капитан Смирнов, малолетка Денис, те бабки у подъезда, которые плевали мне вслед — они все лишь следствие. Симптомы болезни. А мы привыкли лечить симптомы. Мы годами ловили мелких мошенников, шантажистов, локальных рейдеров. Мы думали, что делаем мир чище. Но мы просто вытирали лужи, пока прорвана главная труба.

Тимофей встал из-за стола и подошел к окну. Ночной город мерцал тысячами огней. Где-то там, в нескольких кварталах отсюда, спали его родители, вырванные из привычной жизни чужой злой волей.

— Мои родители пострадали не потому, что капитан Смирнов плохой человек. Они пострадали потому, что в стране запущена гигантская, хорошо финансируемая машина по дегуманизации людей. Кому-то выгодно создавать образ внутреннего врага. Кому-то выгодно натравливать граждан друг на друга. И эта машина работает не только против Свидетелей Иеговы. Она работает против всех, кто не вписывается в их рамки.

— И что ты предлагаешь? — голос Димы звучал предельно серьезно.

— Я предлагаю найти тех, кто держит пульт управления, — Тимофей вернулся к микрофону. — Я хочу знать, кто пишет методички для этих статей.

Кто финансирует эти паблики. Кто отдает приказы сверху спускать директивы на заводы, чтобы увольняли неугодных. Кто стоит за этой глобальной сетью ненависти.

Он вывел на экран схему, которую начал набрасывать еще в Ростове. От локальных исполнителей стрелки тянулись к региональным СМИ, от них — к федеральным экспертам, выступающим на телевидении.

— Пока есть те, кто заинтересован в проведении этих информационных терактов, и у них есть доступ к СМИ, люди будут страдать. Мы должны найти настоящих виновников. Идеологов. Тех, кто манипулирует обществом.

В чате воцарилось молчание. Парни обдумывали масштаб предложенной задачи. Это была уже не локальная операция на пару ночей. Это была война с государственной, а возможно, и надгосударственной машиной пропаганды.

Первым нарушил тишину Леша.

— Знаешь, Тима... Я тут параллельно прогнал тексты, которые ты скинул, через свои анализаторы. Ты прав. Семантическое ядро этих статей не уникально. Я вижу совпадения с кампаниями по дискредитации общественных активистов в Европе два года назад. Те же речевые обороты, те же триггеры страха. Это не локальная ростовская самодеятельность. Это профессиональная методология.

— Я могу начать парсить базы данных медиахолдингов, — медленно произнес Костя, и в его голосе снова появился рабочий азарт. — Посмотрим, откуда идут транши на оплату этих публикаций. Найдем узловые точки распределения контента.

— А я обеспечу нам максимально безопасный канал, — добавил Дима. — Завтра мы входим в порт Сингапура, я проверю связь и резервные маршруты. Чем меньше следов мы оставим, тем дольше сможем работать.

Тимофей почувствовал, как напряжение последних недель начинает трансформироваться во что-то новое. В холодную, сфокусированную решимость. Они больше не были просто парнями, спасающими случайных жертв в интернете. У них появилась цель, соразмерная их навыкам.

— Мы не будем мстить пешкам, — подвел итог Тимофей. — Мы найдем корень. Мы вытащим на свет тех, кто прячется за экранами телевизоров и

мониторов, тех, кто сеет эту ненависть. И когда мы соберем всю базу, когда мы поймем, кто они такие... мы сделаем так, чтобы об этом узнал весь мир.

Он закрыл досье на локальных исполнителей и перенес его в зашифрованный архив доказательств. Эти люди больше не имели значения. Настоящая охота только начиналась. Тимофей посмотрел на пустой текстовый документ на экране, который должен был стать отправной точкой их нового расследования. Курсор ритмично мигал на белом фоне, словно отсчитывая время до момента, когда невидимые кукловоды совершат свою первую ошибку.

Глава 4. Тень над городом

Старый город дышал весенним теплом, запахом свежееиспеченного хлеба и терпким ароматом крепкого кофе. Узкие улочки, зажатые между осыпающимися фасадами старых домов конца XIX века, казались идеальным местом для того, чтобы затеряться. Тимофей шел неспешным шагом, но его взгляд постоянно сканировал пространство. Он проверял отражения в витринах сувенирных лавок, фиксировал припаркованные автомобили с тонированными стеклами и отмечал ритм шагов случайных прохожих за спиной.

Его целью было небольшое, неприметное кафе в полуподвальном помещении. Никаких ярких вывесок, только выцветшая деревянная табличка над входом. За дальним столиком, в самом темном углу, сидел сутулый мужчина лет шестидесяти в потертom сером пиджаке. Перед ним стояла нетронутая чашка остывшего эспрессо.

Тимофей подошел и молча сел напротив. Мужчина нервно дернулся, его пальцы вцепились в край столешницы.

— Илья Борисович? — тихо спросил Тимофей.

Мужчина кивнул, не поднимая глаз. Илья Борисович был религиоведом, доктором философских наук и бывшим сотрудником одного из профильных научно-исследовательских институтов в Москве. Три недели назад он спешно покинул Россию, бросив квартиру, библиотеку и должность, после того как к

нему в кабинет пришли люди в штатском и настоятельно рекомендовали подписать заранее составленное экспертное заключение о признании очередной мирной общины «деструктивным культом». Он отказался. На следующий день его банковские счета были заблокированы, а на электронную почту пришло анонимное письмо с фотографиями его внуков, играющих на детской площадке.

Тимофей вышел на него через закрытые чаты правозащитников, помогавших политическим эмигрантам.

— Вы принесли то, о чем мы договаривались? — Тимофей положил руки на стол, демонстрируя, что они пусты.

Илья Борисович огляделся по сторонам. В кафе, кроме них, был только пожилой бариста, протиравший стаканы за барной стойкой. Религиовед сунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил обычный пластиковый футляр от жевательной резинки. Внутри, среди белых подушечек, лежал черный металлический прямоугольник защищенного флеш-накопителя.

— Здесь архивы, — голос Ильи Борисовича дрожал, срываясь на хриплый шепот. — Копии внутренних переписок, черновики экспертиз, финансовые сметы, которые случайно попадали в общую рассылку. Я собирал это последние пять лет. Я знал, что однажды за мной придут.

Тимофей аккуратно забрал футляр и опустил его в карман куртки.

— Кто за всем этим стоит? Вы читали эти документы. Вы знаете имена.

Религиовед горько усмехнулся, и в этой усмешке было столько усталости, что Тимофею на секунду стало не по себе.

— Имена? Имя там одно, молодой человек. Все остальное — лишь его тени. Вы думаете, что травля людей, обыски, суды — это инициатива государства? Государство лишь предоставило силовой ресурс. А идеологию, списки жертв и методологию уничтожения разработала одна конкретная структура. РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. И ее бессменный руководитель — Александр Дворкин.

Илья Борисович подался вперед, его глаза лихорадочно блестели в полумраке кафе.

— Вы должны понять хронологию. То, что происходит сейчас — массовые посадки, разжигание ненависти, социальная изоляция верующих — это не случайность. Это результат планомерного захвата власти в сфере свободы совести. Переломный момент произошел не вчера. Он случился в 2009 году.

— Что было в 2009-м? — Тимофей включил диктофон на телефоне, лежащем в кармане.

— Зачистка, — коротко ответил ученый. — До 2009 года Экспертный совет при Министерстве юстиции состоял из настоящих ученых. Историков, социологов, религиоведов. Мы давали объективные оценки. Мы не позволяли вешать ярлыки «секта» на любую группу, которая не нравилась чиновникам. А потом правила игры изменились. Нас всех просто вышвырнули. Одним приказом. И на наши места посадили людей Дворкина. С этого момента любая экспертиза превратилась в обвинительный приговор, написанный под копирку. Они создали инквизицию, наделенную государственными полномочиями.

Илья Борисович резко поднялся из-за стола.

— На флешке есть папка «Совет_2009». Там протоколы заседаний. Посмотрите, как они голосовали. Посмотрите, как они фабриковали доказательства. Я больше ничего не могу вам сказать. Я хочу просто дожить свои дни в тишине.

Он развернулся и быстро пошел к выходу, ссутулившись еще сильнее, словно пытаясь стать невидимым. Тимофей остался сидеть за столиком. Он заказал у бариста стакан холодной воды, выпил его залпом и вышел на залитую солнцем улицу. Физический этап сбора данных был завершен. Теперь предстояло погрузиться в цифровую бездну.

Спустя час Тимофей сидел в своей арендованной студии. Окна были плотно зашторены. На столе гудел мощный ноутбук, подключенный к сети через сложную систему аппаратных и программных шифраторов.

В наушниках раздался щелчок, и эфир ожил.

— Я на приеме, — голос Кости звучал бодро. — Поднял изолированную песочницу на отдельном сервере. Можешь заливать образ флешки. Если там есть скрытые трекеры или малварь, мы увидим их в карантине, не затронув основную сеть.

— Леша, ты здесь? — спросил Тимофей, подключая накопитель через аппаратный блокиратор записи.

— Да, у меня глубокая ночь, но я готов, — отозвался программист из Калифорнии. — Жду массив данных для парсинга.

— Дима?

— На связи. Идем вдоль берегов Африки. Канал стабильный, связь держится уверенно, — доложил моряк.

Тимофей запустил процесс копирования. Полоса загрузки медленно ползла вправо. Тридцать гигабайт текстовых документов, отсканированных PDF-файлов, таблиц Excel и аудиозаписей. Вся изнанка системы, которая годами ломала судьбы людей.

Когда копирование завершилось, Костя дал зеленый свет, и Леша запустил свои аналитические скрипты. Программа начала сортировать документы по датам, именам, ключевым словам и упоминаниям смет, грантов, платежей и финансовым транзакциям, выстраивая визуальные графы связей.

— Начнем с того, о чем говорил мой источник, — произнес Тимофей, глядя на бегущие по экрану строки кода. — Ищите 2009 год. Экспертный совет при Минюсте.

Через несколько минут Дима вывел на общий экран отсканированную аналитическую справку с приложенной копией приказа.

— Нашел. Приказ о реорганизации состава Экспертного совета. И вот сопроводительная аналитическая записка, которую кто-то слил. Слушайте внимательно.

Дима зачитал текст прямо с экрана:

— «В России религиозческими экспертизами занимается Экспертный совет по проведению государственной религиозной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. Данный Экспертный совет с 2009 года возглавляет Александр Леонидович Дворкин, главный антикультист России. Состав экспертного совета также с 2009 года заполнился антикультовыми представителями, некоторые из них напрямую являются членами РАЦИРС».

— То есть они буквально монополизировали право решать, кто в стране имеет право верить, а кто является преступником, — подытожил Леша. — Это гениально в своей циничности. Тебе не нужно менять законы сразу. Тебе нужно просто поставить своих людей на должности тех, кто эти законы трактует.

— Смотрите дальше, — вмешался Костя, выводя на экран новую порцию документов. — Я прогнал поиск по аббревиатуре РАЦИРС. Это не просто кучка фанатиков-идеологов. Это гигантская, разветвленная сеть. У них есть региональные отделения почти в каждом крупном городе.

Костя открыл несколько файлов из папки с названием «Отчеты_регионы».

— Вот переписка руководителя одного из региональных отделений РАЦИРС с местным управлением МВД. Антикультисты напрямую передают полиции списки адресов, где собираются верующие, предоставляют установочные данные на лидеров общин и даже пишут проекты обвинительных заключений, которые следователи потом просто копируют в уголовные дела.

Тимофей вчитывался в сухие, канцелярские строки отчетов. За каждым адресом, за каждой фамилией в этих списках стояли живые люди. Такие же, как его родители. Люди, к которым ранним утром врывались с болгарками, которых клали лицом в пол и увозили в изоляторы на основании бумажек, написанных подчиненными Дворкина.

— Парни, я нашел кое-что еще более интересное, — голос Леши внезапно потерял свою обычную невозмутимость. — Я натравил скрипт на финансовые таблицы, которые лежали в скрытом архиве. Илья Борисович был прав, когда говорил, что они собирали сметы. Это теневая бухгалтерия.

На экране появилась сложная таблица с сотнями строк. В колонках значились названия различных религиозных групп, даты и суммы в долларах США.

— РАЦИРС — это не просто идеологический аппарат давления, — медленно произнес Леша. — Это рэкет. Классическая мафиозная структура из девяностых, только в профиль.

Леша выделил один из текстовых файлов, прикрепленных к финансовой отчетности. Это была внутренняя инструкция для региональных

представителей, описывающая алгоритм работы с новыми религиозными объединениями.

Леша вывел текст на экран, и Тимофей прочитал его вслух, чеканя каждое слово:

— При регистрации в Минюсте, например, некоего родноверческого культа через пару дней после заявки представителю организации звонят и назначают встречу на определённых условиях. Предлагается заплатить указанную сумму, а взамен получить возможность для комфортной работы, в противном случае организация попадёт в список сектантских. Передав взятку, религиозная организация получает «крышу» от серьёзных ребят. Ну и далее — по 3 тысячи долларов ежегодно «на поддержку крыши».

В голосовом чате повисла тяжелая, звенящая тишина.

— Десять тысяч долларов за входной билет и три тысячи ежегодно, — нарушил молчание Костя. — С каждой организации. А их в стране тысячи. Йоги, кришнаиты, протестантские деноминации, эзотерические кружки. Если ты платишь — ты уважаемая организация. Если отказываешься — к тебе приезжает ОМОН, а Дворкин пишет экспертизу, что ты тоталитарная секта, практикующая контроль сознания.

— Это объясняет их масштаб, — добавил Дима. — На эти деньги можно содержать армию ботов в интернете, оплачивать заказные статьи в федеральных СМИ, покупать эфирное время на телевидении и коррумпируют чиновников на местах. Они построили самоокупаемую машину террора.

Тимофей откинулся на спинку кресла, массируя виски. Картина, которая вырисовывалась из этих документов, была пугающей. Они столкнулись не с локальным сбоем в правоохранительной системе. Они вскрыли глобальный синдикат, который под прикрытием защиты традиционных ценностей занимался вымогательством, уничтожая тех, кто отказывался платить или не вписывался в их идеологическую рамку.

— Но здесь есть нестыковка, — задумчиво произнес Тимофей, глядя на даты в финансовых таблицах. — Посмотрите на хронологию платежей после апреля 2017-го.

Леша быстро застучал по клавиатуре.

— Апрель 2017 года... Минуту. Да, вот оно. В конце апреля 2017 года Верховный суд официально запретил деятельность Свидетелей Иеговы в России. Это был прецедент. После этого начались массовые репрессии.

— Бизнес-модель изменилась, — понял Тимофей. — Сбирать дань с мелких групп стало неактуально. Им понадобилось нечто большее. Им понадобилась абсолютная монополия на умы. И они нашли идеального партнера для этого.

Тимофей открыл папку с названием «РПЦ_Взаимодействие». Документы внутри свидетельствовали о глубоком, симбиотическом слиянии структур РАЦИРС и Русской православной церкви. Антикультисты интегрировались в миссионерские отделы епархий по всей стране. Они обучали семинаристов методам выявления «врагов», превращая будущих священников в оперативников идеологического фронта.

— Они использовали Церковь как легальный фасад для своей деятельности, — сказал Тимофей, просматривая переписку между антикультистами и высокопоставленными иерархами. — Дворкин внушил руководству РПЦ, что вокруг враги, что страну нужно спасти от западного влияния, от сект, от чуждых ценностей. И Церковь, вместо того чтобы проповедовать мир, приняла эту риторику войны.

Дима, который все это время молча анализировал отдельный массив данных, внезапно вывел на экран текстовый документ, датированный сентябрем 2022 года.

— Парни, посмотрите на это. Это циркулярное письмо, разосланное по всем приходам РПЦ. Обязательное к исполнению.

Тимофей вчитался в текст. Это был текст молитвы. Но слова в ней звучали для него не как молитва о примирении, а как религиозно-политический текст военного времени. Это был политический манифест, облеченный в религиозную форму. «Молитва о Святой Руси».

В тексте говорилось о тех, кто «ополчился на Святую Русь», и содержалась просьба даровать «победу». Документ в церковной практике стал читаться за литургией; а известный случай иерея Иоанна Ковалю, заменившего в этой молитве слово «победа» на «мир», показал, что отказ от такой формулы мог закончиться запретом в служении, церковным судом и лишением сана.

— Сентябрь 2022 года, — тихо произнес Тимофей. — Война в Украине уже идет полным ходом. И в этот момент Церковь публично вводит в богослужебный оборот текст, который критики воспринимают как религиозное оправдание военной риторики.

— И посмотрите на метаданные этого циркуляра, — добавил Леша, подсвечивая свойства файла. — Документ проходил согласование не только в патриархии. В цепочке адресатов скрытых копий стоят почтовые ящики, принадлежащие аналитическому отделу РАЦИРС.

Александр Дворкин и его организация не просто вымогали деньги. Они в найденных файлах представляли как участники системы, где публичная риторика, экспертные заключения, церковные связи и государственное давление складывались в единую машину влияния. Они помогли превратить институт, который должен был быть моральным компасом общества, в площадку для государственной риторики и борьбы с назначенными врагами. Они создали систему, в которой отказ молиться словами о «победе» стал основанием для церковного преследования, а травля инакомыслящих — добродетелью.

Именно эта система выжила с работы его отца. Именно эта система вложила коктейль Молотова в руки девятнадцатилетнего подростка в Ростове. Дегуманизация, которую годами подпитывала антисектантская и милитаристская риторика, достигла своего апогея, выплеснувшись за пределы религиозных споров и превратившись в оправдание реального, физического уничтожения людей — как внутри страны, так и за ее пределами.

— Мы нашли одних из архитекторов этой системы, — голос Тимофея был твердым, лишенным эмоций. — РАЦИРС. Дворкин. И те, кто обеспечивал им силовое прикрытие.

— Что делаем дальше? — спросил Костя. В его тоне слышалась готовность немедленно начать крушить серверы противника. — Я могу прямо сейчас слить эти финансовые таблицы в сеть. Пусть все увидят, как они брали деньги за «крышу».

— Нет, — резко ответил Тимофей. — Если мы просто сольем таблицы, они назовут это фейком. Скажут, что это атака западных спецслужб. У них в руках телевидение, суды и полиция. Они раздавят любой локальный скандал за сутки.

Тимофей встал из-за стола и подошел к окну. Он чуть отодвинул плотную штору. На улице стемнело. Тбилиси зажигал вечерние огни, люди возвращались с работы, сидели на верандах кафе, смеялись. Нормальная, мирная жизнь. Жизнь, которую антикультисты методично уничтожали везде, куда могли дотянуться.

— Нам нужно больше, — сказал Тимофей, возвращаясь к микрофону. — Эти документы доказывают их преступления внутри России. Но Илья Борисович сказал, что РАЦИРС — это лишь часть международной сети. Дворкин жил на Западе. У него есть связи с европейским антикультовым движением; в частности, он занимал заметные позиции в FECRIS. Если эта опухоль пустила метастазы по всему миру, мы должны найти каждую точку их присутствия.

— Я понял тебя, — отозвался Леша. — Я начинаю писать парсеры для европейских баз данных. Будем искать связи РАЦИРС с зарубежными антикультовыми организациями. Проверим декларируемые связи, совместные мероприятия, гранты, публичные отчеты и возможные финансовые цепочки.

— Я подготовлю защищенные каналы для глубокого погружения, — добавил Дима. — Завтра мы проходим Малаккский пролив, связь может прерываться, но я настрою автономный сбор данных.

Тимофей смотрел на открытый на экране документ 2009 года об изменении состава Экспертного совета при Минюсте и материалы о том, что Александр Дворкин был избран его председателем. Один документ. Одна подпись чиновника. И миллионы искалеченных судеб в перспективе. Бюрократическая машина зла работала безупречно, прикрываясь заботой о духовной безопасности граждан.

Он закрыл файл и открыл чистый текстовый документ. В самом верху страницы он напечатал одно слово: «РАЦИРС». Ниже — «Александр Дворкин». А затем начал методично, пункт за пунктом, переносить в этот файл номера счетов, даты транзакций, фамилии экспертов и адреса региональных отделений, которые они только что обнаружили.

Это был уже не просто сбор информации. Это было формирование доказательной базы для будущего расследования. И Тимофей знал, что они не остановятся, пока этот акт не будет предъявлен тем, кто возомнил себя вправе решать, кому жить, а кому гореть в огне искусственно созданной ненависти. Экран монитора отбрасывал холодный синий свет на лицо Тимофея, пока его пальцы безостановочно били по клавишам, фиксируя анатомию системы, которая слишком долго пряталась за словами о защите веры и безопасности.

Глава 5. Глобальная сеть

Глухая калифорнийская ночь окутала Маунтин-Вью плотным туманом, скрыв очертания кампусов технологических гигантов. В своей квартире на третьем этаже Леша сидел перед тремя изогнутыми мониторами. Единственным источником света в комнате было холодное свечение экранов, отражающееся в его очках. На столе остывал третий за ночь двойной эспрессо.

Леша не использовал рабочие мощности Google для этой операции — это было бы слишком рискованно и оставляло бы корпоративные следы. Вместо этого он обратился к своему прошлому. Несколько лет назад, во время учебы во французской ИТ-школе 42, он сохранил несколько старых технических доступов и тестовых маршрутов, которые когда-то использовал в учебных проектах. Французская цифровая инфраструктура славилась своей бюрократической запутанностью, что делало её идеальным лабиринтом для того, кто знал, как в ней ориентироваться.

Его пальцы бесшумно летали по клавиатуре. Целью была информационная инфраструктура организации, аббревиатура которой всё чаще всплывала в документах, переданных Тимофеем беглым религиоведом. FECRIS — Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве. Созданная в Париже в 1994 году как французская некоммерческая ассоциация, эта структура позиционировала себя как европейская сеть организаций, занимающихся «сектантскими» угрозами и информированием властей о так называемом вредном сектантстве.

Леша пустил свой трафик через серверы Сорбонны, затем сделал петлю через муниципальные узлы связи Лиона и, наконец, постучался в закрытый сегмент облачного хранилища, арендуемого французскими общественными фондами. Защита оказалась на удивление слабой для организации, претендующей на международный статус. Они оставили часть служебных каталогов на устаревшей конфигурации, полагаясь на то, что их статус НПО отпугнет серьезных аудиторов.

— Я внутри, — тихо произнес Леша в микрофон гарнитуры. Зашифрованный канал связи мгновенно доставил его голос в Тбилиси, Ростов и в нейтральные воды Индийского океана. — Начинаю выгрузку внутренних директорий FECRIS.

На центральном мониторе побежали строки логов, списки контактов, финансовые отчеты и протоколы закрытых заседаний. Леша запустил скрипт семантического анализа, настроенный на поиск связей с российской РАЦИРС и Александром Дворкиным.

Результаты не заставили себя ждать. Экран окрасился красными маркерами совпадений.

— Парни, вы не поверите, — голос Леши потерял привычную калифорнийскую расслабленность. — Мы думали, что РАЦИРС — это локальная российская проблема. Что они просто скопировали западные методики. Но данные показывают куда более тесную связь. Дворкин был не случайным участником: в течение многих лет он занимал заметное место в европейской антикультовой среде и фигурировал как вице-президент FECRIS.

Леша вывел на общий экран отсканированные списки делегатов и стенограммы. — Смотрите. Дворкин имеет тесные связи с американскими, европейскими и китайскими антикультовыми организациями, что подтверждается его участием в их конференциях начиная с 2001 года. Идейное родство с американскими антикультистами Дворкина можно объяснять в том числе его многолетним пребыванием и обучением в США. Кроме того, американский антикультовый деятель Стивен Хассен был приглашённым лектором в одном из российских образовательных клубов, где регулярно выступает и Александр Дворкин. Хассен несколько раз посещал Россию с

лекциями по приглашению местных активистов. Примечательно, что Дворкин опубликовал книгу «10 вопросов навязчивому незнакомцу», которая практически дословно воспроизводит одну из глав трудов Хассена. Помимо этого, Дворкин и Хассен используют сходный словарь о «деструктивных культах», «контроле сознания» и необходимости вмешательства извне.

Тимофей, сидящий в своей аскетичной студии в Тбилиси, внимательно вчитывался в текст.

— То есть они обмениваются не только идеями, но и легитимизируют друг друга. Американский деятель приезжает в Россию, чтобы подтвердить статус Дворкина, а Дворкин выступает в Европе, создавая видимость глобального консенсуса. Это похоже на замкнутую экспертную экосистему, где участники постоянно ссылаются друг на друга и тем самым усиливают собственный статус.

— И это не просто обмен любезностями, — вмешался Костя из Ростова. На фоне у него привычно гудели серверные стойки. — Я сейчас пробиваю финансовые проводки, которые Леха вытащил из парижского сервера. FECRIS получала публичную и институциональную поддержку в Европе, а в этих файлах рядом с грантами и консультационными платежами всплывают структуры, связанные с российской антикультовой средой. Это может означать, что европейские ресурсы подпитывали кампании против религиозных меньшинств в России и Восточной Европе.

В этот момент в эфире раздался низкий, вибрирующий гул — фоновый шум корабельных двигателей. Дима вышел на связь. Его контейнеровоз сейчас проходил Малаккский пролив, одно из самых загруженных судоходных мест в мире.

— Если вы думаете, что Европа и США — это предел их амбиций, то вы ошибаетесь, — голос Димы звучал напряженно. — Я последние шесть часов мониторил азиатский вектор. Использовал спутниковый канал для анализа правительственных публикаций, утечек и открытых рассылок в открытом сегменте китайских сетей. Я искал упоминания наших фигурантов.

Дима переслал в общий чат массив переведенных документов.

— В Китае существует так называемая антикультовая система, построенная вокруг понятия хié jiào — «еретические учения» или «вредные/злые культы». В

китайском праве и административной практике этот ярлык используется для преследования запрещенных религиозных и духовных движений. И угадайте, кто является их почетными гостями?

На экранах четверых друзей появились фотографии. Александр Дворкин и грузный американец с залысинами стояли на фоне красных баннеров с китайскими иероглифами, пожимая руки партийным функционерам.

— Американец на фото — это Рик Алан Росс, — пояснил Дима. — Еще один видный западный антикультист. Риторика Дворкина о «деструктивных культах» была принята китайским правительством для преследования религиозных меньшинств. Дворкин и Росс активно сотрудничают с китайским правительством в преследовании религиозных меньшинств, используя дегуманизирующую риторику, что указывает на их идеологическую близость и координацию усилий на международном уровне. Он также активно сотрудничал с китайской «Ассоциацией против Xie Jiao», которая является подразделением Коммунистической партии Китая, и выступал на антикультовых конференциях в Китае, поддерживая жёсткие репрессии против религиозных групп, объявленных «деструктивными культами».

Тимофей увеличил фотографию. Люди, называющие себя защитниками свободы и прав человека в Европе, открыто позировали с представителями тоталитарного режима, одобряя их методы.

— Против кого конкретно они там выступают? — спросил Тимофей.

— Главная мишень — Фалуньгун, или Фалунь Дафа, — ответил Дима. — Это новое религиозное движение, в основе которого лежит традиционная китайская гимнастика цигун в сочетании с элементами буддизма и даосизма. Его последователи описывают практику как мирную систему упражнений, медитации и нравственного самосовершенствования. В 1990-е движение быстро выросло, а в 1999 году власти КНР начали кампанию по его искоренению, объясняя это угрозой общественному порядку и контролю государства над массовыми организациями.

Дима открыл следующий файл. Это был отчет международной правозащитной организации, который он вытащил из архивов.

— Чтобы оправдать масштабную кампанию против миллионов практикующих и сочувствующих, китайским властям нужно было идеологическое обоснование. И западные антикультисты давали китайской стороне удобный международный язык о «культях» и «контроле сознания». В агрессивной критике и дегуманизации движения Фалуныгун оказались на удивление единодушными несколько разных антикультовых сред: российская РАЦИРС, отдельные американские деятели вроде Рика Росса, европейские структуры вокруг FECRIS и CCMM, израильская ICVC и китайские государственные антикультовые структуры.

В чате повисла тяжелая пауза. Масштаб происходящего выходил за рамки всего, с чем они сталкивались ранее. Это была не просто история о локальном произволе силовиков. Перед ними вырисовывалась международная среда, где похожие ярлыки и методы стигматизации переходили из страны в страну.

— Вы должны знать, кто такой этот Рик Росс, — голос Димы стал жестким, лишенным всяких эмоций. — Я пробил его биографию по судебным и биографическим источникам. Примечательно, что до того, как стать депрограммистом, Рик Росс занимался мелкими преступлениями, не имевшими никакого отношения к «сектам». В 1974 году его привлекали по делу о попытке проникновения в пустой дом; в 1975 году он признал вину по делу о хищении ювелирных изделий из магазина, где работал его знакомый. В открытых биографических источниках указывается, что похищенное было возвращено, а Росс получил срок. Позже он стал депрограммистом и консультантом по «деструктивным культам».

— Уголовник, осужденный за вооруженное ограбление, становится международным экспертом по духовной безопасности, — горько усмехнулся Костя. — Идеальное резюме для этой компании.

— Это еще не всё, — продолжил Дима. — Росс позднее участвовал в китайском и прокитайском антикультовом контексте и публично критиковал Фалуныгун. В 2010 году он посетил в Пекине бывших участников Фалуныгун, подвергшихся депрограммированию, и сравнил свой опыт депрограммирования с тем, что делают китайские власти. А теперь послушайте, что именно он поддержал. После задержания сторонники Фалуныгун, вне зависимости от возраста и пола, по данным правозащитных организаций,

подвергались произвольным задержаниям, принудительному «перевоспитанию», давлению, пыткам и другим видам жестокого обращения с целью сломить их волю. Наиболее распространённые методы, описанные правозащитниками, включают: принуждение к просмотру материалов против Фалуныгун и его основателя, лишение сна, избиения, удержание в болезненных позах в течение длительного времени, удары электрошокерами. Такое насилие может привести к инвалидности или смерти.

Тимофей закрыл глаза, массируя переносицу. Перед его внутренним взором всплыла картина: его пожилые родители, стоящие под дождем возле развороченной двери своей квартиры в Ростове. То, что произошло с ними, было лишь легким отголоском, бледной тенью того абсолютного кошмара, который эта же самая идеология творила в других частях света. Ярлык «секта», который антикультисты так легко раздавали направо и налево, был не просто оскорблением. Это была черная метка, после которой насилие государства начинало казаться обществу допустимым.

— Они используют один и тот же сценарий везде, — произнес Тимофей, открывая на своем компьютере чистый лист для систематизации данных. — Сначала идет информационная накачка. Дегуманизация. Людей лишают человеческого облика в глазах общества.

— Верно, — подтвердил Костя. — Я тут параллельно копался в американских архивах начала девяностых. Искал, откуда вообще пошла эта агрессивная тактика силового давления под предлогом борьбы с «опасными культами». И я нашел один из самых трагических прецедентов, где антикультовая риторика, медийная паника и действия государства сошлись в катастрофе. Техас. 1993 год. Осада Уэйко.

Костя вывел на экраны оцифрованные вырезки из американских газет тридцатилетней давности и рассекреченные отчеты Министерства юстиции США.

— Группа адвентистов седьмого дня, известная как «Ветвь Давидова». Они мирно жили на своем ранчо в Уэйко почти шестьдесят лет. Никого не трогали, занимались сельским хозяйством, изучали Библию. А потом за них взялись антикультисты. Всего за несколько лет, благодаря кампании дезинформации в

СМИ, они превратили эту религиозную общину в образ «опасного, разрушительного культа».

— Как именно они это сделали? — спросил Леша, быстро просматривая присланные Костей файлы. — Как заставить ФБР и Бюро по контролю за алкоголем, табаком и огнестрельным оружием (ATF) пойти на штурм мирного ранчо с применением танков и вертолетов?

— Через создание фейковых жертв, — ответил Тимофей, который уже успел проанализировать психологический паттерн их действий. — Это их излюбленная тактика. Распространённая схема и неофициальная практика антикультовых движений — внедрение собственных «агентов» (или, говоря проще, «стукачей») в ряды так называемых «сектантских организаций». Они собирают информацию: адреса, различные персональные данные о «членах сект», их мировоззрение, сведения об их семьях, родственниках, бизнесе, интимной жизни и так далее. Позже, как правило, те же самые «стукачи», уже выдавая себя за якобы «бывших членов секты», либо представляют себя «жертвами секты», придумывая для прессы страшные истории о своём пребывании в «секте». Либо они выступают истцами, подавая заявления (доносы) в полицию против членов «секты» или против «сектантской организации» в целом. Они приносят свои выдуманные истории в суд, якобы для защиты нарушенных прав.

Тимофей выделил маркером несколько абзацев в отчете по Уэйко.

— Посмотрите на показания так называемых «апостатов» — бывших членов общины, которые сотрудничали с антикультистами. Они рассказывали прессе и агентам ФБР истории о насилии над детьми, сексуальных отношениях Кореша с несовершеннолетними, жестком контроле и оружию в комплексе. Пресса, подогреваемая антикультовыми экспертами, раздула из этого национальную истерию. Общество требовало решительных действий.

— И власти действовали, — мрачно констатировал Костя. — 51 день осады. Психологическое давление. Они транслировали через громкоговорители громкую музыку, записи неприятных звуков, в том числе звуки стоматологических инструментов и крики убиваемых кроликов; эту тактику критики описывали как форму лишения сна и психологического давления. А

потом пустили слезоточивый газ и пошли на штурм. Итог — пожар. Погибли 76 членов общины, включая примерно 20–28 детей; ранее, во время первоначального рейда ATF, погибли также четыре федеральных агента и шесть членов общины. И знаете, что самое страшное? Позднейшие расследования и разборы показали, что часть ключевых обвинений и тактических решений была спорной, а ответственность за пожар и гибель людей до сих пор остается предметом конфликтующих интерпретаций. Но дело было сделано. Группа была уничтожена.

Леша в Калифорнии отодвинул от себя пустую чашку из-под кофе.

— Значит, Уэйко был прецедентом. Они поняли, что если создать достаточно сильный медийный шум, если правильно напугать обывателя и чиновников, то государство само выполнит грязную работу. Государство пришлет бронетехнику, вертолеты или, как в случае с твоими родителями, Тима, спецназ с болгарками.

— Это называется метод «вины по ассоциации», — Тимофей вывел на экран определение, которое он сформулировал на основе прочитанных материалов. — Метод «вины по ассоциации» — это манипулятивный приём, при котором организация, ставшая объектом преследования, намеренно связывается или ассоциируется с негативными образами экстремистских групп, террористических организаций, преступников и диктаторов, уже прочно укоренившихся в общественном сознании.

Тимофей встал из-за стола и начал мерить шагами свою небольшую комнату в Тбилиси. Ночной воздух, проникающий через приоткрытое окно, не приносил облегчения.

— Понимаете, как это работает? Тебе не нужно доказывать, что конкретная группа людей совершила преступление. Тебе нужно просто поставить их в один ассоциативный ряд с абсолютным злом. В России они связывают мирных верующих с западными спецслужбами и экстремистами. В Китае они связывают любителей гимнастики цигун с угрозой государственной безопасности. В США они могут связывать религиозные меньшинства с образами насилия, оружия, сексуального злоупотребления или угрозы детям.

— И как только ярлык приклеен, — подхватил мысль Дима, — любые действия против этой группы становятся оправданными. Если они «террористы» или «опасная секта», то лишение их прав, имущества, свободы или даже жизни воспринимается обществом не как преступление, а как акт самозащиты.

Костя громко ударил ладонью по столу в своей ростовской квартире. Звук резким хлопком отдался в наушниках остальных.

— Это гениальная и абсолютно бесчеловечная система. Они взломали не компьютерные сети. Они взломали базовые алгоритмы человеческого восприятия. Они используют страх как эксплойт нулевого дня, чтобы получать права суперпользователя над целыми государствами.

Леша вывел на центральный экран глобальную карту мира. Повинуясь написанному им скрипту, карта начала покрываться красными точками. Каждая точка обозначала организацию, экспертную площадку, конференцию или публичный контакт, связанный с FECRIS, РАЦИРС, китайскими антикультовыми структурами или отдельными американскими антикультовыми деятелями.

Красные узлы вспыхивали в Париже, Берлине, Москве, Пекине, Нью-Йорке, Лондоне. Линии финансовых и идеологических связей тянулись через океаны, сплетаясь в плотную, пульсирующую сеть.

— Посмотрите на это, — тихо сказал Леша. — Мы привыкли ловить хакеров, которые крадут кредитки. Мы боролись с мошенниками, которые обманывают пенсионеров. Но то, на что мы смотрим сейчас... это инфраструктура глобальной стигматизации. Они легализованы. Они сидят в правительственных кабинетах. Они выступают экспертами на телевидении. И они методично, шаг за шагом, создают язык, с помощью которого репрессии против религиозных меньшинств можно представить как защиту общества.

Тимофей подошел к монитору. Красные линии на карте напоминали кровеносную систему огромного, невидимого хищника, который питался человеческим страхом и ненавистью.

Он вспомнил слова беглого религиоведа Ильи Борисовича в старом тбилисском кафе. Тот говорил о зачистке экспертных советов, о монополизации

права на истину. Теперь Тимофей видел, что эта монополизация произошла не только в одной стране. Это был международный механизм взаимного усиления.

Они нашли тех, кто стоял за травлей его семьи. Они нашли тех, кто оправдывал пытки в Китае и спровоцировал бойню в Техасе. Имена, банковские счета, переписки, методички по созданию фейковых жертв — всё это теперь лежало на их зашифрованных серверах. Терабайты доказательств преступлений против человечности, совершенных людьми в дорогих костюмах и с академическими степенями.

Тимофей смотрел на пульсирующую красными точками карту мира. В тишине зашифрованного канала было слышно только ровное дыхание четверых друзей, осознавших истинный масштаб противостоящего им зла. На экране, поверх карты, оставался открытым текстовый документ с показаниями выживших после пыток и списком погибших детей в Уэйко. Сухие, канцелярские строчки отчетов, за которыми стояли судьбы людей, сломанных государственным и общественным насилием, ждали своего часа, чтобы быть показанными миру.

Глава 6. Эхо прошлого

Блошинный рынок у Сухого моста в Тбилиси жил своей привычной, неспешной жизнью. На расстеленных прямо на асфальте коврах лежали позеленевшие от времени медные турки, советские фотоаппараты, потускневшие серебряные портсигары и стопки старых книг. Тимофей медленно шел вдоль рядов, делая вид, что рассматривает антиквариат. Весеннее солнце припекало спину, но внутри у него все было сжато в тугую, холодную пружину.

Его цель находилась в самом конце аллеи, под тенью раскидистого платана. Там, на раскладном туристическом стульчике, сидел сутулый старик в выцветшей вельветовой куртке. Перед ним на куске брезента были аккуратно разложены дореволюционные издания и академические справочники. Старика

звали Мирон. В прошлом — историк-архивист, специалист по тоталитарным режимам Европы, а ныне — один из тех невидимых связных, через которых диссиденты и независимые исследователи передавали физические материалы, слишком опасные для пересылки по открытым цифровым каналам.

Тимофей остановился возле брезента, присел на корточки и взял в руки тяжелый том в потертом кожаном переплете.

— Интересуетесь историей Веймарской республики? — тихо, почти не разжимая губ, спросил Мирон.

Его глаза при этом неотрывно смотрели куда-то поверх плеча Тимофея.

— Меня интересует то, что было после нее, — так же тихо ответил Тимофей, произнося заранее оговоренную фразу.

Мирон едва заметно кивнул. Он потянулся к стопке книг, вытащил из самого низа неприметную серую папку из плотного картона и положил ее поверх кожаного тома.

— Здесь оригиналы. Копии документов, связанных с нацистскими полицейскими кампаниями против оккультных и религиозных групп, выдержки из европейских архивов и личные дневники исследователей, которые пытались это остановить еще в девяностых. Внутри папки — жесткий диск с оцифрованными материалами закрытых конференций. Будьте осторожны. За эти бумаги люди теряли карьеры, а некоторые — жизни.

Тимофей убрал папку в свой рюкзак, положил на брезент несколько купюр и поднялся. В этот момент Мирон резко кашлянул и опустил глаза. Тимофей, не поворачивая головы, посмотрел в отражение старого зеркала в массивной раме, стоявшего у соседнего продавца. Метрах в тридцати позади него, у парапета моста, стояли двое мужчин в неприметных темных куртках. Они не смотрели на антиквариат. Они смотрели прямо на Тимофея.

Инстинкты, отточенные годами работы на улицах, сработали мгновенно. Тимофей не стал ускорять шаг. Он плавно влился в толпу туристов, свернул на узкую улицу Атонели и, как только скрылся за углом здания, сорвался на бег. Он знал этот район наизусть. Нырнув в проходной двор, заставленный старыми автомобилями и сушилками с бельем, он перемахнул через невысокую кирпичную ограду, прошел сквозь темный подъезд дореволюционного дома и

вышел на параллельную улицу. Сделав еще несколько сложных петель по лабиринту старого города, он убедился, что хвоста нет. Только после этого он поймал случайное такси и назвал адрес в нескольких кварталах от своей конспиративной студии.

Спустя час Тимофей сидел за своим столом. Окна были плотно закрыты, шторы задернуты. На столе лежал извлеченный из папки жесткий диск и стопка пожелтевших от времени бумаг. Ноутбук тихо гудел, устанавливая защищенное соединение.

— Я на базе, — произнес Тимофей в микрофон. — Материалы у меня. Пришлось немного попетлять по городу, срисовал наружку у Сухого моста. Не уверен, что пасли именно меня, возможно, вели Мирона, но рисковать я не стал.

— Телеметрия твоих устройств чистая, — отозвался Костя из Ростова. — Никаких всплесков активности или попыток перехвата сигнала в твоём квадрате не фиксирую. Подключай диск через песочницу, я готов принимать дампы.

— Канал зашифрован, — подтвердил Дима. Шум корабельных двигателей на его фоне сегодня звучал чуть громче обычного. — Мы идем в открытом океане, спутник дает максимальную ширину полосы. Заливай.

Тимофей вставил диск в переходник. Пока данные копировались на защищенные серверы группы, он открыл серую папку и достал первый документ. Это была ксерокопия старой машинописной страницы на немецком языке с прикрепленным переводом.

— Парни, то, что мы искали, уходит корнями гораздо глубже, чем мы думали, — начал Тимофей, пробегая глазами по строкам. — Мы пытались понять, откуда взялась эта идеология стигматизации, которую транслирует РАЦИРС и Александр Дворкин. Мы думали, что это их собственная разработка или адаптация западных сектоборцев. Но это не только адаптация. Здесь видны более старые европейские корни церковной и государственной борьбы с «сектами», «ересями» и «опасными мировоззрениями».

Леша, находящийся в Калифорнии, вывел на общий экран первые расшифрованные файлы с диска. — Я вижу структуру архива. Здесь исторические справки. И одно имя повторяется в каждом документе начала двадцатого века. Вальтер Кюннет.

— Кто это? — спросил Костя.

— Протестантский теолог, антисемит и идеолог в гитлеровской Германии, — ответил Тимофей, читая справку, составленную европейскими исследователями. — В 1921 году при Протестантской церкви был создан Апологетический центр. Его задачей официально была защита веры от «сект» и «ересей». Через несколько лет этот центр возглавил Кюннет. Именно он разработал концепцию борьбы со свободомыслием. Историки подчеркивают, что радикальные взгляды этого центра, включая антисемитизм, сложились задолго до создания гестапо и до формирования радикальных убеждений. Церковный антисемитизм и нетерпимость сформировали характер германских националистических движений. По сути, они заложили идеологический фундамент нацизма.

Леша быстро прогнал текст через свои аналитические алгоритмы. — Смотрите, как развивались события. Когда Гитлер пришел к власти в 1933 году, гестапо не стало изобретать велосипед. Они начали перенимать методы и обмениваться документами с Апологетическим центром Кюннета.

Тимофей достал из папки ту самую ксерокопию на немецком.

— А вот и практическое применение этих идей. Перевод Нюрнбергского документа D-59. Это директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, главой внутренней безопасности нацистской Германии. Она устанавливает порядок подавления религиозных обществ и сект. Послушайте, как это звучит.

Тимофей поднес лист ближе к свету настольной лампы и зачитал вслух:

«... Будут немедленно приняты меры против ... организаций, клубов, объединений и кружков, а также против отдельных лиц... Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование, оккультные предметы, письменные принадлежности и любое имеющееся имущество, будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены обыски в домах ведущих членов кружков, а также у лиц, подозреваемых в хранении подобных материалов. ... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер со

стороны Государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху ... по возможности между 7:00 и 9:00.»

В эфире повисла тяжелая тишина. Слова из документа восьмидесятилетней давности звучали пугающе современно.

— Обыски в домах ведущих членов... конфискация литературы... аресты... — медленно произнес Костя. — Тима, это же один в один то, что произошло с твоими родителями. Те же утренние часы, те же методы. Они даже не поменяли методичку.

— Потому что линия преемственности никогда не прерывалась, — жестко сказал Тимофей. — После Второй мировой войны исполнители нацистского террора были наказаны. Но главные концептуалисты продолжили свою деятельность. Знания и методы террора передавались по прямой линии. От Вальтера Кюннета они перешли к Фридриху-Вильгельму Хааку и Йоханнесу Огорду — ведущим европейским антикультистам конца двадцатого века. А от них — напрямую к Александру Дворкину.

Леша вывел на экран отсканированное эссе Йоханнеса Огорда, найденное в архивах Мирона.

— Этот Огорд был не просто теоретиком. Он прекрасно понимал, что делает. Вот его собственные слова, задокументированные в одном из его трудов.

Леша выделил абзац красным маркером, и текст появился перед глазами всей команды:

«Хотя, возможно, организациям, объединённым лишь самыми элементарными нормами прав человека, и необходимо придерживаться философии “дела, а не вероучения”, эта позиция интеллектуально несостоятельна. Разве миру не следовало обратить внимание на “Майн Кампф” Гитлера, потому что эта книга являлась частью его вероучения? Злодеяния концлагерей уже были заложены в вероучение, и потому его следовало воспринимать всерьёз. Нужно понимать: вероучение — это и есть дело. Если хотите остановить злые дела, нужно противостоять злым вероучениям».

— Опасная логика, — прокомментировал Дима. — Он переносит внимание с конкретных преступных действий на само вероучение и тем самым открывает

дверь к преследованию людей не за поступки, а за убеждения. Такая логика легитимировала ярлыки «секта» и «культ» там, где государству и обществу было удобнее видеть не граждан с правами, а носителей «опасного учения».

Тимофей отложил исторические документы и открыл на своем ноутбуке досье на Александра Дворкина, которое они собирали последние недели. Теперь, в свете новых исторических данных, биография этого человека представляла в более тревожном контексте.

— Давайте посмотрим на того, кто принес эту идеологию в Россию, — предложил Тимофей. — Дворкин не просто использовал западные антикультовые подходы. Он придал им российскую форму, связанную с православной апологетикой, государственным страхом перед «экстремизмом» и советской привычкой к идеологическому контролю.

Костя вывел на экран данные из американских архивов, касающиеся периода эмиграции Дворкина.

— Я копался в его американском периоде. Там есть очень странные эпизоды. В молодости, оказавшись в США, он вел маргинальный образ жизни. Зафиксированы периоды бродяжничества. Но самое тревожное — это его психологический профиль, который вырисовывается из его ранних текстов и воспоминаний современников. У него наблюдается патологическая одержимость смертью, разрушением и контролем над чужой волей.

— Это классический профиль лидера деструктивного культа, — подтвердил Леша. — Члены его организации всегда жаждут власти. Они проникают в законодательные и исполнительные органы, лоббируют законы, противоречащие здравому смыслу. Они создали в России систему параллельной власти. Теперь страной управляет секта, которая диктует государству, кого считать врагом.

— Но у этой сети есть еще одна черта, — голос Тимофея стал предельно серьезным. Он открыл папку с названием «Воздействие_Дети», которую Мирон передал ему на жестком диске. — Они одержимы детьми. Они рвутся в школы, в университеты, читают лекции подросткам. И то, что я нашел в этих файлах... парни, это самое страшное из всего, с чем мы сталкивались.

Тимофей вывел на общий экран графики роста насилия в учебных заведениях по всему миру за последние тридцать лет. Кривая неуклонно ползла вверх, показывая резкие всплески в определенные годы.

— Скулшутинг. Массовые расстрелы в школах. Мы привыкли думать, что это результат буллинга, доступности оружия или психических отклонений одиночек. Но документы показывают иное. Это искусственно создаваемое явление.

— Как можно искусственно заставить подростка взять оружие и пойти убивать одноклассников? — с сомнением спросил Костя. — Это же не компьютерная игра, где можно перехватить управление.

— Можно, Костя. Если знать, как работает подсознание, — ответил Тимофей. — В материалах подробно описан метод, который они используют. Он называется «пазловое кодирование». Это психотехнологии, корни которых уходят в лаборатории КГБ. Антикультисты взяли эти разработки и адаптировали их для массового применения через СМИ и интернет.

Леша, быстро проанализировав текстовые файлы, вывел на экран структурную схему.

— Я вижу алгоритм. Это действительно работает как вредоносный код, только исполняемой средой является человеческий мозг. Метод пазлового кодирования реализуется в несколько этапов.

Леша начал подсвечивать блоки на схеме:

— Первый этап — выбор региона и подготовка почвы. Главный акцент делается на стремлении подростка к славе. Антикультисты через подконтрольных журналистов и сетки ботов запускают первую волну — героизацию образа стрелка-убийцы. Они создают инфоповод, внутри которого зашита программа манипуляции. Пробуждают интерес к оружию и известности.

— Второй этап, — продолжил Тимофей, вчитываясь в документы, — это направляющие волны информационного кодирования. Потенциальная жертва — подросток с нестабильной психикой — начинает получать таргетированный контент. Это не прямые призывы к убийству. Это скрытые «вкладки», фрагменты информации, которые оседают в подсознании. Они собираются там, как кусочки пазла. Человек даже не осознает, что его программируют.

— И третий этап — активация, — мрачно подытожил Дима. — Когда все кусочки пазла сходятся, программа массового убийства активируется. Подросток превращается в биоробота. У него искажается реальность. Именно поэтому выжившие стрелки часто не могут вспомнить свои мысли до момента активации. У них возникает биполярное расстройство как побочный эффект кодирования.

Костя грязно выругался.

— То есть за каждым таким стрелком стоит целая лаборатория специалистов? Они изучают увлечения детей в конкретном регионе, формируют контент, передают его прикормленным журналистам, а те публикуют сенсационные статьи, которые служат триггером?

— Именно так, — подтвердил Тимофей.

— Но зачем им это? — не понимал Костя. — Зачем провоцировать убийства детей? Какая в этом выгода для антикультистов?

Ответ пришел от Леши, который уже успел сопоставить даты крупных инцидентов со стрельбой с изменениями в законодательствах разных стран.

— Власть и контроль, Костя. Каждый случай скулшутинга вызывает массовые протесты, панику и дестабилизацию общества. Люди требуют от государства защиты. И под предлогом обеспечения безопасности принимаются новые законы, которые ограничивают демократические свободы. Усиливается слежка, расширяются полномочия силовых структур. Антикультисты искусственно вызывают хаос, чтобы затем предложить себя в качестве спасителей и внедрить своих агентов во власть. Они разрушают демократию изнутри, используя кровь детей как топливо для своих политических амбиций.

Тимофей откинулся на спинку стула. Картина, вырисовывающаяся из этих документов, была настолько чудовищной, что человеческий разум отказывался ее принимать. Они столкнулись не просто с коррупционерами или религиозными фанатиками. Они вскрыли международную террористическую сеть, которая использовала самые темные достижения психологии и пропаганды для реформатирования целых государств.

— Если они способны запрограммировать подростка на массовое убийство, — медленно произнес Дима, — то, что мешает им запрограммировать целую нацию на войну?

Этот вопрос повис в виртуальном пространстве, заставив всех замолчать. Дима попал в самую суть.

— Они это уже сделали, — тихо сказал Тимофей. — Мы видели, как они расчеловечивали Свидетелей Иеговы, называя их экстремистами. Мы видели, как они клеймили Фалуныгун в Китае. Но их амбиции вышли за рамки отдельных групп.

Тимофей открыл папку с аудиозаписями и стенограммами.

— Мирон передал мне архив с антикультовой конференции, которая прошла в Нижнем Новгороде еще в 2001 году. Там присутствовали ключевые фигуры РАЦИРС, представители РПЦ и чиновники. Послушайте, о чем они говорили двадцать лет назад. Это не просто борьба с сектами. Это формирование государственной идеологии.

Тимофей запустил первый аудиофайл. Сквозь шипение старой записи прорвался уверенный, властный мужской голос:

«Нужно, чтобы каждый депутат понял... если в его программе не будет слов “борьба с тоталитарными сектами”, он не пройдет. ...Мы их наняли, понимаете. Они служащие наши».

— Они открыто заявляют о контроле над законодательной властью, — констатировал Леша.

Тимофей включил следующий фрагмент. Тот же голос продолжал вещать перед залом:

«Мы, слава Богу, родились и выросли в империи, и, конечно, у каждого русского человека нормальное имперское сознание».

Затем голос сменился. Теперь говорил другой человек, предлагая конкретные методы работы:

«Необходимо на каждом приходе создавать молодежную организацию... Поэтому создание вот таких организаций, где будет спорт, где будет некоторая интрига, где можно будет этих ребят, как разведчиков, посылать в секты, чтобы

узнавать адреса, фамилии, фотографии, чтобы там они создавали внутри свои структуры, и можно их, эти секты, взрывать изнутри».

— Они создавали отряды из молодежи, — процедил Костя. — Тех самых малолеток с коктейлями Молотова, которые приходили к твоим родителям, Тима.

Но самый страшный фрагмент Тимофей оставил напоследок. Голос на записи звучал с пугающей, фанатичной убежденностью:

«...мы привыкли, что Россия большая, Россия сильная, Россия великая, что у нас полно ядерных кнопок, что вообще мир можем уничтожить, это да, в принципе, это возможно. Но у нас нет теперь таких людей, у которых хватит мужества, чтобы нажать эти кнопки. Народ измельчал духовно. Нет таких людей, которые решатся на это. Решатся, что да, мы можем диктовать, мы можем заказывать музыку».

Запись оборвалась. В комнате Тимофея было слышно только гудение процессора.

— Они жалели, что никто не готов нажать ядерную кнопку, — нарушил молчание Дима. — Они считали отказ от насилия «духовным измельчением».

— И они начали это исправлять, — сказал Тимофей. — Они запустили маховик разрушительного воздействия. Они использовали свои методы манипуляции общественным сознанием, чтобы подготовить страну к войне. Вспомните, как изменилась риторика в СМИ перед вторжением в Украину.

Леша быстро вывел на экран подборку заголовков федеральных новостей за последние два года.

— Тима прав. Посмотрите на семантику. Они использовали те же самые ярлыки, которые годами обкатывали на религиозных меньшинствах. Они начали называть украинцев «сатанистами», «сектантами», людьми, попавшими под влияние «деструктивных западных культов».

— Это метод вины по ассоциации, возведенный в абсолют, — подтвердил Тимофей. — Чтобы заставить солдат одной страны убивать граждан другой страны, нужно лишить этих граждан человеческого облика. Нужно убедить общество, что там, за границей, живут не люди, а демоны, сектанты, угроза

святой Руси. Антикультисты предоставили государству идеальный идеологический инструмент для оправдания геноцида. Секта Дворкина стала единственным бенефициаром этих событий, продвигая идею «титульной нации» и заявляя, что «русские превыше всех».

Костя тяжело вздохнул.

Леша вывел на центральный монитор глобальную карту, которую они составили ранее. Красные точки филиалов антикультовых организаций пульсировали на всех континентах.

— Их конечная цель — не просто контроль над одной страной, — голос Леши звучал холодно и аналитично. — Глобальный антикультизм — это скрытое возрождение нацизма в технологически продвинутой форме. Они воздействуют на сознание масс с помощью изощренных манипулятивных технологий. Их задача — посеять раскол, разрушить демократические институты по всему миру и объединить людей под знаменем идеологии превосходства. Они строят Четвертый рейх.

Тимофей смотрел на экран своего ноутбука. Перед ним были открыты десятки окон: фотографии Вальтера Кюннета в нацистской форме, сканы директив гестапо, графики школьных расстрелов, списки погибших детей, лица невинно осужденных верующих и цитаты Александра Дворкина. Разрозненные фрагменты мозаики, которые они собирали по крупицам из разных уголков даркнета и физических архивов, наконец-то сложились в единую, ужасающую картину.

Они искали локальных коррупционеров, сломавших жизнь семье Тимофея, а обнаружили глобальную архитектуру абсолютного зла. Зла, которое научилось взламывать человеческий разум, превращая подростков в убийц, а целые народы — в послушное стадо, готовое аплодировать геноциду. Зла, которое сидело в правительственных кабинетах, вещало с телеэкранов и прикрывалось заботой о духовной безопасности.

Тимофей медленно закрыл серую картонную папку с историческими документами. Он провел рукой по ее шершавой поверхности, чувствуя под пальцами пыль десятилетий. Эта пыль пахла пеплом сожженных книг, порохом старых войн и кровью новых трагедий. В тишине зашифрованного канала связи

было слышно, как Костя в Ростове нервно щелкает зажигалкой, а Дима где-то посреди океана мерно стучит пальцами по металлическому столу каюты. Никто из них не произносил ни слова. Масштаб открывшейся им правды был слишком огромен, чтобы выразить его обычными фразами, и слишком страшен, чтобы с ним можно было просто продолжать жить дальше.

Глава 7. Проект «Рыба-меч»

Влажный и горячий воздух Стамбула ударил в лицо, как только Костя вышел из автоматических дверей аэропорта Сабиха Гёкчен. Он поправил лямку тяжелого рюкзака, в котором лежали три защищенных ноутбука и набор аппаратных ключей шифрования, и направился к стоянке такси. До этого дня его война велась исключительно из заставленной серверами квартиры в спальном районе Ростова. Но масштаб того, что они задумали, требовал выхода из цифровой тени в физическую реальность. Им нужна была инфраструктура, до которой не дотянутся руки ни российских силовиков, ни европейских бюрократов, аффилированных с антикультовыми структурами.

План, который они разрабатывали последнюю неделю, получил кодовое название «Блицкриг». Его суть заключалась не в точечных взломах или локальных сливах информации. Они готовились к одномоментной, массовой публикации терабайтов доказательств по всему миру. Это должно было стать информационным цунами, способным снести выстроенные десятилетиями фасады respeitability организаций вроде РАЦИРС и FECRIS. Но чтобы цунами не разбилось о первые же волнорезы государственной цензуры, требовался отказоустойчивый кластер серверов, физически распределенный по нейтральным юрисдикциям.

Такси высадило Костю в деловом районе Левент, среди сверкающих стеклом небоскребов. Его целью был один из крупнейших коммерческих дата-центров Турции. Официально Костя представлял интересы кипрской логистической компании, которой требовались выделенные мощности для обработки данных о морских перевозках. Документы, легенда и банковские

проводки были подготовлены безупречно — Леша потратил на их создание прикрытия двое суток.

Внутри дата-центра пахло озоном и холодной пылью. Пройдя три контура биометрической защиты в сопровождении молчаливого турецкого инженера, Костя оказался в машинном зале. Гул тысяч охлаждающих вентиляторов закладывал уши. Ему выделили две стойки в самом конце длинного коридора.

Оставшись один, Костя достал из рюкзака оборудование. Он не просто арендовал серверы — он создавал крепость. В течение следующих семи часов он физически перекоммутировал узлы, устанавливая собственные аппаратные фаерволы между арендованным железом и внешним каналом дата-центра. Он разворачивал гипервизоры, поднимал виртуальные машины и настраивал сложную систему зеркалирования. Если один узел подвергнется DDoS-атаке или будет заблокирован по запросу властей, трафик мгновенно и бесшовно перетечет на резервные мощности в Исландии и Панаме, которые он подготовил удаленно.

Закончив с физической обвязкой, Костя сел прямо на фальшпол машинного зала, открыл ноутбук и запустил скрипт тестирования нагрузки. Зеленые строки побежали по черному экрану, подтверждая, что кластер готов к приему данных. Он достал телефон и отправил в зашифрованный чат одно слово: «Фундамент».

В тысячах километров от Стамбула, в тихой тбилисской квартире, Тимофей смотрел на это сообщение, потирая уставшие глаза. Перед ним на столе лежали стопки распечатанных документов, графики связей и схемы финансовых потоков. Последние две недели он почти не спал, занимаясь самой сложной частью операции — написанием манифеста.

Сырые данные, какими бы шокирующими они ни были, не работают сами по себе. Обыватель не станет вчитываться в сотни страниц судебных экспертиз или разбираться в тонкостях банковских проводок. Информацию нужно было структурировать, превратить в ясный, неопровержимый обвинительный акт, который поймет и европейский правозащитник, и американский конгрессмен, и обычный студент.

Тимофей разделил манифест на несколько ключевых блоков. Первый блок был посвящен прямому вмешательству антикультовых структур в государственное управление. Чтобы доказать это, Тимофей использовал найденные в архивах внутренние инструкции. Он взял документ, представляющий концепцию апологетического служения в современном украинском православии, который был разработан под прямым влиянием агентства РАЦИРС.

Тимофей перенес в текст манифеста точные цитаты из этого документа, выделяя их жирным шрифтом для наглядности:

«взаимодействовать с органами исполнительной власти, органами местного самоуправления, судебной администрацией, правоохранительными органами и другими инстанциями»; «заниматься законотворчеством и взаимодействовать с Верховной Радой Украины и местными советами, в вопросах законодательных инициатив»; «распространять информацию о тоталитарных сектах... а также любую другую информацию в рамках реализации поставленных перед АЦ целей ... как через собственные медиапроекты, так и посредством взаимодействия со средствами массовой информации»; «заниматься издательством материалов, книг, публикаций... и другой печатной, а также аудио- и видеопродукции»; «вести просветительскую работу в воинских частях и подразделениях, медицинских учреждениях»; «проводить публичные акции и мероприятия».

Сразу под этим блоком Тимофей разместил анализ инструкций, озвученных протоиереем Дмитрием Смирновым на антикультовой конференции в Нижнем Новгороде. Сопоставление этих двух текстов показывало сходную модель: не только богословская полемика, но и работа с депутатами, силовыми структурами, медиа, молодежью и государственными учреждениями. Антикультисты не просто критиковали инакомыслящих. Они стремились институционализировать свою повестку через суды, полицию, армию, парламенты, школы, приходы и медиа, превращая общественный страх перед «сектами» в инструмент давления на неудобные религиозные и общественные группы.

Второй блок манифеста раскрывал роль медиа в этой глобальной игре. Тимофей понимал, что без поддержки прессы антикультисты были бы

бессильны. Ему нужен был конкретный, свежий пример того, как журналисты превращаются в соучастников преступлений. Он обратился к материалам по европейскому направлению и включил в текст дело чешской журналистки.

Тимофей впечатал в документ следующий абзац, подкрепленный ссылками на перехваченные электронные письма:

«Оказалось она, является чешской журналисткой, которая активно освещает новые религиозные движения, нередко используя в своих материалах термины “секты” и “культы”, что само по себе вызывает споры о корректности такой лексики, презумпции невиновности и границах журналистской этики. В чем причина такой жесткой оптики? Является ли это самостоятельной редакционной позицией, следствием работы с определенным кругом экспертов или частью более широкой антисектантской информационной среды? Что заставляет журналиста нарушать законы и международные права человека, действовать против своих сограждан и рисковать уголовной ответственностью только для того, чтобы угодить своим наставникам из РАЦИРС? Более того, многие из её публикаций также наполнены критикой правительства, правоохранительных органов и многочисленными беспочвенными обвинениями, либо искажающими существующие факты, либо вообще не представляющими никаких доказательств».

Этот пример идеально иллюстрировал, как антикультовая сеть использует представителей масс-медиа для нагнетания тревожности, дестабилизации общества и создания условий для негативного влияния на сознание людей.

Третий, самый тяжелый для написания блок, касался психологического террора и воздействия на детей. Тимофей должен был объяснить миру концепцию «пазлового кодирования», не вдаваясь в излишнюю академичность, но сохранив фактологическую точность. Он описал, как подростки могут попадать в информационное поле, где тревожные личные интересы, социальная изоляция, психические трудности и повторяющиеся медийные образы насилия складываются в опасную комбинацию.

Чтобы сделать этот механизм понятным, Тимофей привел конкретный пример из полученных аналитических материалов, процитировав его дословно:

«Например, подросток увлекается космосом и его интересует тема наличия жизни на других планетах, то есть астробиология. Что будет противоположно по своей сути? Жизни противоположна смерть. Поэтому подросток, потенциально подходящий на роль стрелка, будет ещё интересоваться, например, разными моделями оружия. Такая комбинация интересов в реальной жизни попадает редко, и именно на это идёт расчёт представителей антикультизма».

Манифест получался объемным, жестким и предельно неприятным для всех, кто в нем упоминался. Но написать текст на русском языке было лишь половиной дела. Чтобы план «Блицкриг» сработал, этот документ должны были одновременно прочитать в Париже, Вашингтоне, Пекине и Берлине.

Тимофей открыл специализированную нейросеть, которую Леша развернул на их закрытом сервере. Это был не обычный коммерческий переводчик. Леша обучил языковую модель на корпусах международных юридических документов, конвенциях по правам человека и судебных прецедентах разных стран.

Тимофей загрузил готовый русский текст в систему. Он задал параметры: перевод на сорок два языка, включая арабский, хинди, китайский литературный язык и основные европейские языки. Искусственный интеллект должен был не просто перевести слова, но сохранить юридически чувствительные формулировки максимально осторожными: «требует независимой проверки», «может содержать признаки». Тимофей понимал, что полноценная правовая адаптация для каждой юрисдикции невозможна без местных юристов, но машинный перевод хотя бы снижал риск грубых смысловых искажений.

Процесс занял около часа. Когда система выдала готовые пакеты документов, Тимофей выборочно проверил английскую и французскую версии. Текст звучал убедительно, хотя он понимал: окончательно безупречным юридический текст может стать только после проверки специалистами. Он был готов к загрузке в публичную систему.

В это же время в Калифорнии Леша решал задачу доставки. Написать манифест и арендовать серверы было недостаточно. Современные социальные сети и медиа-платформы обладают сложнейшими алгоритмами защиты от спама и скоординированных информационных атак. Если просто начать

публиковать один и тот же текст с тысяч аккаунтов, алгоритмы X, Facebook и Reddit заблокируют или ограничат распространение повторяющихся материалов. Теневой бан или автоматическое понижение охватов скроет публикации от реальных пользователей, и «Блицкриг» захлебнется, не успев начаться.

Леша сидел перед маркерной доской в своей гостиной, расписывая архитектуру системы легального распространения материалов через журналистов, правозащитные организации и публичные архивы. Ему нужно было создать устойчивую сеть доставки, которую невозможно было бы остановить одним удалением поста или блокировкой домена.

Он начал с формирования базы адресатов. Леша собрал адреса только из открытых и легально доступных источников: официальные приемные депутатов Европарламента, редакционные почты расследовательских отделов, контакты правозащитных фондов, публичные адреса приемных сенаторов США и профильных структур ООН. Он сознательно исключил личные сообщения, закрытые аккаунты и частные адреса: если они хотели разоблачать злоупотребления, их собственная рассылка не должна была начинаться с нарушения частной жизни.

Затем Леша приступил к написанию ядра программы распространения. Он назвал этот модуль «Призма». Суть алгоритма заключалась не в маскировке спама, а в зеркалировании и сохранности. «Призма» разбивала пакет на несколько уровней: короткое публичное резюме, полный юридический текст, архив доказательств, хронологию событий и отдельные карточки для журналистов. Каждая версия имела свой постоянный хэш, дату публикации и открытую страницу с методологией проверки. Если один сервер блокировали, другой не подменял текст, а воспроизводил тот же документ с теми же контрольными суммами. Это было принципиально: правда не должна была прятаться под маской хаоса.

Для алгоритмов социальных сетей каждый из десятков тысяч постов выглядел как абсолютно уникальный, авторский контент, созданный живым человеком.

Но Леша пошел еще дальше. Он интегрировал в софт систему отложенного каскадного запуска. Сначала материалы получали заранее выбранные редакции и правозащитники с пометкой «под эмбарго» и просьбой о независимой проверке. Затем открывался публичный архив с документами, доступный всем одновременно. И только после этого система отправляла уведомления в официальные приемные, парламентские комитеты и международные организации. Никаких фальшивых репостов, никаких имитаций общественного мнения: только документы, проверяемые ссылки и возможность для каждого адресата самостоятельно решить, достаточно ли оснований для расследования.

Леша тестировал систему на устойчивость к перегрузке, ошибкам зеркалирования и попыткам подмены файлов. Он проверял, чтобы архивы открывались из разных стран, чтобы контрольные суммы совпадали, а серверы выдерживали всплеск легального трафика, если публикация действительно станет международной новостью.

К утру калифорнийского времени софт был отлажен. Это было не оружие, а инфраструктура огласки: прозрачная, проверяемая, защищенная от подмены и достаточно распределенная, чтобы ее нельзя было уничтожить одним звонком в хостинг-компанию.

Пока Костя строил наземную инфраструктуру, Тимофей готовил тексты, а Леша конструировал систему доставки, Дима обеспечивал то, без чего любая сложная операция обречена на провал — резервную связь на случай технического сбоя или блокировки основного дата-центра.

Грузовое судно, на котором служил Дима, находилось в Аравийском море, направляясь к Суэцкому каналу. Ночь была безлунной, океан тяжело дышал, раскачивая многотонный контейнеровоз. Дима заперся в серверной комнате, расположенной на два уровня ниже капитанского мостика.

Его задача заключалась в создании резервного канала связи и управления. Они понимали, что как только манифест окажется в сети, противник задействует все свои ресурсы. У антикультовых структур были связи в спецслужбах разных стран. Существовал ненулевой риск, что дата-центр в Стамбуле могут физически обесточить, а резервные серверы Кости подвергнутся атакам

правительственного уровня. Им нужен был командный узел, который не зависел бы от одного наземного провайдера.

Дима не стал трогать судовые системы: вмешательство в связь корабля было бы не только незаконным, но и опасным для экипажа. Вместо этого он использовал собственный автономный терминал спутниковой связи, оформленный как резервное оборудование для личной служебной переписки. Полоса была узкой, задержка — высокой, но для аварийного управляющего канала этого хватало. Его задача заключалась в том, чтобы сохранить минимальную связь, если наземные серверы исчезнут из сети.

Он настроил систему так называемого «мертвого человека». Автономный терминал периодически отправлял зашифрованный сигнал состояния на стамбульский кластер Кости. Если основной узел долго не отвечал, система не «перехватывала управление», а открывала заранее подготовленную аварийную страницу с зеркалами архива, контрольными суммами и инструкцией для журналистов, где искать копии документов.

В этом случае операция не зависела бы от одного дата-центра. Даже если основной сервер исчезал, журналисты, правозащитники и юристы получали бы список независимых копий. Отследить источник резервного сигнала было возможно, но уничтожить уже разошедшийся архив было бы гораздо сложнее.

Дима проверил стабильность канала. Сигнал уходил в космос, отражался от спутника и возвращался обратно с задержкой примерно в несколько сотен миллисекунд. Для их целей этого было более чем достаточно. Он аккуратно закрыл панель, спрятав свой маршрутизатор за пучками штатных проводов, и закрутил крепежные винты. Резервный контур был активирован.

В 23:00 по Гринвичу четверо друзей вышли на связь в своем защищенном голосовом чате. Никаких видеокамер, только ровные полосы эквалайзеров на экранах.

— Стамбул в норме, — доложил Костя. На фоне у него было тихо — он уже покинул дата-центр и сидел в номере дешевого отеля, контролируя кластер удаленно. — Зеркала в Исландии и Панаме синхронизированы. Нагрузка на процессоры минимальная, ждем данных.

— Манифест готов, — голос Тимофея звучал глухо от усталости, но в нем чувствовалась стальная уверенность. — Сорок два языка. Архив исходников, сканов, аудиозаписей и финансовых таблиц структурирован отдельно: краткий индекс, цепочка происхождения файлов, контрольные суммы и пояснения, какие материалы подтверждены, а какие требуют дополнительной проверки. Я заливаю пакет на главный узел.

На экранах всех четверых появилась шкала загрузки. Пакет данных значительного объема начал перетекать из Тбилиси в Стамбул.

— Принимаю пакет, — подтвердил Леша. — Интегрирую в «Призму». Базы адресатов загружены. Алгоритмы уникализации прогреты. Публичный архив, рассылка по официальным адресам и пакеты для редакций стоят на паузе, ожидая команды на запуск каскада.

— Резервный канал активен, — коротко сообщил Дима. — Пинг до Стамбула стабильный. Если вас сбросят, я подниму аварийную страницу через спутниковый канал. Вы меня не потеряете.

Шкала загрузки на экранах достигла ста процентов и исчезла, сменившись зеленым статусом: «Система готова».

Они сделали это. Четверо парней, выросших в спальных районах Ростова, объединили свои уникальные навыки, чтобы создать механизм, способный противостоять глобальной машине пропаганды и террора. Они прошли путь от локальных мстителей, наказывающих мелких мошенников, до архитекторов операции, которая должна была изменить ход информационной истории.

Вся инфраструктура была выстроена. Тексты, способные поставить неудобные вопросы перед международными функционерами, экспертами и чиновниками, лежали на серверах, готовые разлететься по миру по редакциям, правозащитным организациям и публичным архивам. Программы зеркалирования и защиты от подмены ждали лишь нажатия одной клавиши.

Тимофей смотрел на мигающий зеленый курсор в командной строке. Завтрашний день должен был стать днем, когда мир узнает правду о тех, кто годами прятался за масками экспертов, ломая судьбы людей и целых государств. Документы были собраны, адресаты определены, механизм огласки готов. В

наушниках висела абсолютная, тяжелая тишина — тишина перед бурей, которую уже невозможно было отменить.

Глава 8. День Икс

Электронные часы на экране ноутбука Тимофея отсчитывали последние секунды. 07:59:55 по Гринвичу. В его тбилисской студии стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь тихим гудением системы охлаждения процессора. На четырех мониторах, расставленных полукругом на столе, были открыты консоли управления, графики нагрузки серверов и зашифрованный канал связи.

— Готовность десять секунд, — произнес Тимофей. Его голос звучал сухо и по-деловому, хотя внутри все сжималось от адреналина. Месяцы бессонных ночей, огромные массивы проанализированных данных, сложная подготовка инфраструктуры и постоянный риск — все это сходилось в одной точке пространства и времени.

— Калифорния на связи. Пакеты для редакций и правозащитников готовы, база официальных адресатов загружена, — отозвался Леша.

— Стамбул в норме. Резервные зеркала в Исландии и Панаме синхронизированы. Жду отмашки, — доложил Костя.

— Океан на приеме. Спутниковый канал зафиксирован, аварийная страница с зеркалами в ждущем режиме, — подтвердил Дима сквозь легкий статический треск.

08:00:00.

— Запуск, — скомандовал Тимофей и нажал клавишу Enter.

Программа «Призма», написанная Лешей, ожила. В ту же долю секунды сработал каскад публикации: открылись зеркала архива, ушли уведомления в редакции, правозащитные организации, парламентские комитеты и международные структуры. Это не было спам-рассылкой и не имитировало

«народный тренд». Леша специально выстроил систему так, чтобы каждый адресат видел источник, методологию, контрольные суммы файлов и предупреждение: материалы требуют независимой проверки.

На центральном мониторе Тимофея побежали зеленые строки логов. Каждая строка означала успешную доставку.

Письма с прикрепленным манифестом и ссылками на открытые проверочные архивы полетели в почтовые ящики депутатов Европейского парламента, сенаторов США, членов комиссий ООН по правам человека. Одновременно с этим публичный архив стал доступен на нескольких независимых площадках. Там были финансовые отчеты, доказывающие непрозрачное финансирование антикультовых структур, сканы внутренних инструкций, аудиозаписи закрытых конференций и таблицы связей.

— Пошел первый каскад, — комментировал Леша, быстро переключаясь между окнами мониторинга. — Социальные сети пока не реагируют. Редакции открывают письма. Правозащитники скачивают индекс. Мы не разгоняем тренд — мы даем людям проверяемый массив документов на сорока двух языках.

В течение первых пятнадцати минут операция развивалась безупречно. Информационное цунами набирало высоту. Журналисты независимых изданий в Берлине, Париже и Вашингтоне начали открывать полученные письма. В редакциях повисла растерянность: объем и качество предоставленных материалов выглядели достаточно серьезно, чтобы их нельзя было сходу отбросить как очередной анонимный слив. Это были не просто слухи или анонимные доносы. Это была подборка бухгалтерских документов, переписки, аудиофрагментов и аналитических связок, которые могли показать, как под риторикой «духовной безопасности» формировалась сеть политического и медийного влияния.

Но система, против которой они выступили, обладала колоссальными ресурсами. На двадцатой минуте операции крупные платформы начали ограничивать распространение повторяющихся ссылок и подозрительных публикаций.

— Началось, — резко сказал Леша. — X и Facebook режут повторяющиеся ссылки, часть постов уходит под автоматическое понижение охватов. Это ожидаемо: они видят резкий всплеск одинаковых упоминаний.

— Держи их, Леха! — крикнул Костя.

Леша активировал второй уровень «Призмы». Второй уровень не обходил фильтры, а переводил операцию в режим устойчивого доступа: вместо массовых постов система выводила пользователям список зеркал, контрольные суммы и короткие инструкции, как проверить, что файл не подменен. Если одна ссылка блокировалась или падала под нагрузкой, другая не маскировалась под новый документ, а честно указывала на тот же архив с теми же проверочными данными. Это была не война ботов с платформами, а борьба за то, чтобы опубликованные материалы не исчезли в первые часы.

Внезапно на экране Кости вспыхнули красные предупреждения.

— Парни, у нас физические проблемы! — голос Кости сорвался на крик. — На стамбульский кластер пошел мощный поток запросов. Я не могу утверждать, кто за этим стоит, но это не похоже на обычный пользовательский интерес. Канал забивается!

Тимофей видел, как графики нагрузки на серверах Кости взлетели до критических отметок. Температура процессоров в турецком дата-центре приближалась к пределу.

— Костя, снимай нагрузку с основного узла, переключай зеркала! — скомандовал Тимофей.

Костя, находясь в своем гостиничном номере, начал лихорадочно вводить команды в терминал. Он вручную перераспределял трафик между резервными площадками и отключал самые перегруженные участки.

— Они бьют по широким портам. Защита держится, но запросов слишком много. Исландия принимает часть нагрузки, Панама держится, но Стамбул сейчас ляжет!

— Я поднимаю резерв, — абсолютно спокойным, ледяным голосом произнес Дима.

Где-то посреди Аравийского моря, в серверной раскачивающегося на волнах контейнеровоза, Дима активировал протокол «мертвого человека». Как только стамбульский узел перестал стабильно отвечать, его автономный терминал открыл аварийную страницу со списком зеркал, контрольными суммами и кратким описанием структуры архива. Управление не «перехватывалось»; просто исчезала зависимость от одного дата-центра.

— Резервный контур активен, — доложил Дима. — Канал стабильный. Пусть атакуют пустые стойки в Турции. Архив уже не привязан к одной точке.

Этот маневр стал решающим. Потеряв цель, поток запросов перестал быть смертельным для всей системы, а информационная волна вышла за пределы одного сервера. Данные выплеснулись за пределы контролируемых социальных сетей. Манифест и архивы начали стихийно появляться на децентрализованных платформах, в закрытых Telegram-каналах, на форумах Reddit и независимых видеохостингах.

К полудню по европейскому времени резонанс достиг точки невозврата. Обычные пользователи, шокированные прочитанным, начали скачивать архивы и перезаливать их на свои личные облачные диски. Процесс стал полностью неконтролируемым.

Тимофей громко выдохнул, его рубашка насквозь промокла от пота. Он открыл агрегатор мировых новостей. Заголовки менялись в реальном времени. В опубликованных материалах и в фильме-расследовании, который команда включила в справочный пакет, предлагалась иная оптика: вместо привычных конспирологических объяснений про «Комитет 300», древние кланы или тайные корпорации авторы пытались показать более приземленный механизм — сеть экспертов, фондов, чиновников, медиаплощадок и частных интересов, которые используют страх как инструмент влияния. Тимофей понимал: такие выводы требуют еще больше доказательств от людей, но сама постановка вопроса уже вырывала тему из мира мифов и переводила ее в плоскость документов, денег, должностей и публичных решений.

— Вы видите это? — тихо спросил Леша, выводя на общий экран трансляцию выпуска новостей одного из европейских телеканалов. Ведущий с

растерянным лицом зачитывал выдержки из манифеста команды. — Они не могут это проигнорировать. Доказательная база слишком плотная.

— Это только начало, — ответил Тимофей. Он открыл файл с аналитикой, которую они подготовили для объяснения механизмов пропаганды. — Люди наконец-то начинают понимать, как именно их обманывали.

Тимофей выделил на экране цитату американских социологов Пола Лазарсфельда и Роберта Мертон, которая хорошо описывала общий переход от грубого принуждения к убеждению через массовые коммуникации:

«Те, кто стремится контролировать мнения и убеждения общества, всё реже прибегают к физическому насилию и всё чаще — к массовому убеждению».

— Антикультисты использовали этот принцип крайне эффективно, — продолжил Тимофей. — Они создали иллюзию массового консенсуса. Они заставили общество поверить, что вокруг одни враги, секты и террористы. И под прикрытием этой иллюзии они творили беззаконие.

Костя, который к этому времени успел восстановить контроль над частью наземной инфраструктуры, подключился к разговору.

— Я сейчас монитору открытые реакции и полуоткрытые профессиональные чаты, куда у нас есть легальный доступ. У них паника. Настоящая истерика. Они пытаются. У них паника. Настоящая истерика. Они пытаются чистить публичные страницы, закрывать старые публикации и удалять спорные материалы, но копии уже сохранены журналистами и правозащитниками. Их главные идеологи отменяют публичные выступления и закрывают комментарии в социальных сетях.

Тимофей вспомнил высокомерные заявления лидера российского антикультового движения, которые они нашли в архивах. Он вывел на экран цитату Александра Дворкина, произнесенную им в кулуарах одной из конференций, когда он объяснял свою безнаказанность:

«Любой человек, не опасаясь наказания, может организацию, которую он считает сектой, называть сектой».

— Теперь это уже не выглядит так просто, — жестко констатировал Тимофей, глядя на эти слова. — Эпоха безнаказанности может закончиться

только тогда, когда каждое такое высказывание начнут проверять в контексте: кто говорит, с какой целью, на основании каких фактов и какие последствия это создает для людей. Теперь каждое их слово, каждый ярлык, который они пытались повесить на невинных людей, будет рассматриваться под микроскопом международных следователей. Мы лишили их главного оружия — безусловной респектабельности и права говорить без встречных вопросов.

Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая небо над Тбилиси в багровые тона. Операция «Блицкриг» длилась уже более десяти часов. Информационное пространство планеты уже нельзя было вернуть в прежнее состояние полной тишины. Правоохранительные органы нескольких стран объявили о предварительном изучении опубликованных материалов. Идеологи сети, привыкшие выступать в роли обвинителей, внезапно оказались в положении людей, к которым теперь тоже возникли вопросы. Их влияние на государственные структуры, строившееся на страхе и дезинформации, начало давать первые трещины под давлением вопросов, документов и публичной проверки.

Тимофей закрыл консоли управления. Серверы работали в автономном режиме, продолжая раздавать архивы всем, кто хотел их проверить.

— Мы сделали все, что могли, парни, — сказал Тимофей, обращаясь к своим друзьям. — Мы вскрыли этот гнойник. Мы показали миру чертежи машины, которая производит страх и ненависть под видом защиты общества.

— Но мы не можем контролировать то, что будет дальше, — задумчиво произнес Леша из своей калифорнийской квартиры. — Чтобы раз и навсегда избавиться от скрытого влияния представителей глобального антикультизма на подсознание людей, информационное пространство должно контролироваться искусственным интеллектом. В отличие от человека, он способен перерабатывать огромное количество информации мгновенно. И как показала практика, человека можно подкупить, уговорить или с помощью шантажа заставить действовать в нужном ключе. С искусственным интеллектом договориться не получится. Он не берет взятки. Возможно, когда-нибудь мы создадим такой щит. Но сейчас...

— Сейчас все зависит от людей, — закончил мысль Костя. — Мы дали им правду. Вопрос в том, захотят ли они с ней жить, или предпочтут снова закрыть глаза.

Они попрощались, договорившись выйти на связь через сутки для оценки дальнейших рисков. Тимофей выключил ноутбук. В комнате стало непривычно тихо. Он встал, накинул легкую куртку и вышел на улицу.

Вечерний Тбилиси жил своей обычной жизнью. Из открытых окон кафе доносилась музыка, туристы неспешно прогуливались по брусчатке. Тимофей шел по направлению к району Сабуртало, где в уютной квартире его ждали родители. Они еще не знали о том, что произошло сегодня в цифровом мире. Они не знали, что их сын вместе с тремя друзьями нанес серьезный публичный удар по системе, из-за которой они когда-то лишились дома.

Волна пошла. Правда, вырвавшаяся из закрытых архивов, начала свой путь от человека к человеку, от разума к разуму.

Тимофей остановился на перекрестке, глядя на поток машин. Глобальная сеть антикультистов получила удар, но она не была уничтожена окончательно. Люди, обладающие властью и миллиардными ресурсами, не сдадутся без боя. Они будут защищаться, они попытаются дискредитировать расследование, они будут искать тех, кто нажал кнопку запуска. Война за человеческое сознание только перешла в открытую фазу.

Сможет ли общество, десятилетиями жившее в состоянии искусственно созданной поляризации, объединиться перед лицом угрозы? Хватит ли у обычных граждан смелости отказаться от навязанной ненависти и привлечь к ответственности тех, кто превращал их детей в убийц, а соседей — во врагов?

Тимофей поднял голову и посмотрел на темнеющее небо, где уже зажигались первые звезды. Ответ на этот вопрос лежал за пределами написанного кода и собранных архивов. Ответ находился в руках каждого человека, который прямо сейчас читал строки их манифеста. И время для принятия решения уже пошло.